

Юрий Табашников

*В паутине
чужих миров*

Книга первая
Рождение бога

Юрий Табашников

В паутине чужих миров

«Издательские решения»

Табашников Ю. В.

В паутине чужих миров / Ю. В. Табашников — «Издательские решения»,

Герою приходится перемещаться из мира в мир, чтобы исполнить задуманное. После тёплого морского тихоокеанского климата начала девятнадцатого века Оеха с помощью дружественных богов попадает в момент, последующий за временем ядерной катастрофы в своём родном мире. Преодолев множество трудностей в радиоактивной ледяной пустыне, Олег оказывается в итоге в следующем мире — параллельной реальности, населённой примитивными реликтовыми расами предков современного человечества.

© Табашников Ю. В.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	12
Глава 2	16
Глава 3	23
Глава 4	24
Глава 5	35
Глава 6	40
Глава 7	46
Конец ознакомительного фрагмента.	52

В паутине чужих миров
Книга первая. Рождение бога
Юрий Васильевич Табашников

© Юрий Васильевич Табашников, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Пролог

– Пришло время умирать, старик, – сказал я и остановился, пытаюсь увидеть Макоа, в темноте большой пещеры. Он, оставаясь по-прежнему опытным воином, отступил в самое тёмное и далёкое место и мгновенно пропал для меня. Плохо. Я должен его видеть, он слишком опасен.

– Я готов.

Надо же, ни тени испуга в голосе. А я так хотел услышать твой страх, Макоа.

– Сейчас я убью тебя, Макоа, а потом мы разрежем на части и съедим твоё тело, – произношу уверенно и спокойно, делая в темноте маленькие шажки, для того, чтобы выиграть время. Но не тороплюсь привести в исполнение свою угрозу. Жду, чтобы глаза привыкли к темноте. Хочу увидеть его лицо. Я всегда смотрю в глаза тех, кого убиваю. Так убивать интересней.

Нужно тянуть, тянуть время, а потом, когда разгляжу старика, нанести один верный удар. Макоа давно прячется в этой пещере и, значит, сейчас он видит меня, а я его нет. Плохо. Он в более выгодном положении, а Макоа, судя по его славе, грозный противник. Неожиданно старик помогает мне:

– А ты куда-то торопишься?

– Не очень, старик...

– Ты успеешь убить меня. Может, немного поговорим?

– О чём может живой говорить с мертвецом? – усмехаясь, отвечаю вопросом на вопрос.

– Я хочу прежде, чем превращусь в землю, рассказать тебе несколько историй. Чтобы они не умерли вместе со мной. А потом ты убьёшь меня. Я даже не буду сопротивляться. Я устал убегать и прятаться, прятаться и убегать. Я устал стоять и смотреть, как гибнет окружающий меня мир. Послушай мои истории, а затем убей.

– Хорошо, Макоа! Потяни время, поживи ещё немного... Ты старый и у тебя в запасе должно быть много сказок.

– Мои истории – не сказки. Я расскажу только то, что видел. То, что пережил сам. И я не оттягиваю время. Я не боюсь смерти. Я много раз смотрел ей в глаза. Много раз говорил ей: «Макоа здесь! Макоа не прячется!» А она, услышав мои слова, почему-то обходила меня стороной и забирала других. Всегда. Не знаю, почему я не нравлюсь ей... Когда я был маленький, вместе с моим дядей мы отправились на рыбную ловлю на крепкой и хорошей калипоуло. Мы отплыли от берега и замерли на воде недалеко от нашего острова. Рыбы сначала было много, но вдруг она вся исчезла. Знаешь почему? Потому что вокруг лодки закружились Злые Рыбы. Их было очень много. Ох, как их было много. Они окружили нас со всех сторон, затеяв вокруг лодки свою пляску смерти. Они смотрели на нас из воды голодными и злыми глазами. Дядя попробовал грести к берегу, но одна из Злых Рыб сразу перекусила весло. «Плохо дело, Макоа», – сказал мой дядя, – «они голодные и не отпустят нас». Мы с дядей начали в страхе молиться, прося о помощи, Акульему Богу, а Злые Рыбы, чтобы никто не пришёл нам на помощь, принялись толкать своими острыми носами в край нашего калипоуло. С каждым толчком и ударом они всё дальше и дальше утаскивали и загоняли нашу лодку в царство Гигантского Моллюска. Скоро нашего острова не стало видно. Совсем... Совсем... Он пропал, и остались только мы и Злые Рыбы. Мы продолжали молиться. А что ещё могли сделать два одиноких и испуганных человека? Долго-долго я и дядя просили о снисхождении Акульего Бога, а потом вспомнили Гигантского Моллюска и обратились к нему. Никто не услышал нас. Мы начали просить помощи у Тангароа, ведь это он помог построить такой хороший калипоуло, но он тоже забыл о нас. Или был чем-то занят, я не знаю... Дядя всё время просил меня: «Ты маленький и чистый, Макоа! Молись лучше, всем сердцем. Только ты можешь нам

помочь. Мы в царстве Акульего Бога!» Услышав его слова, Злые Рыбы напали на нашу лодку со всех сторон...

Я начал различать контуры его фигуры и уверенность в себе вернулась ко мне. Но я не спешил убивать старика. Сам не знаю почему. Я остановился, сжимая в одной руке нож, которым меня перед походом снабдили в миссии хаоле, а в другой руке поигрывая привычной боевой палицей. Дослушаю историю до конца, а потом убью Макоа. Никуда он не денется.

– А что было дальше, старик?

– Дальше? Злые Рыбы кружили и сновали вокруг калипоуло, а я так вертел головой, наблюдая за ними, что она закружилась. Я перестал бояться. Хотя я и был маленький, но понял, что встречу скоро с Акульим Богом. Мы держали в руках ножи, и мне не было страшно. Я не вру, я не плакал, ведь плачут и жалуются только хаоле. Злые Рыбы поняли, что мы в их власти. Они принялись раскачивать нашу калипоуло из стороны в сторону, чтобы опрокинуть и добраться до нас. Иногда они выпрыгивали из воды и щёлкали своими страшными зубами. Мне едва удавалось удержаться в лодке во время всё новых и новых нападений. Казалось, от каждого удара наша лодка должна перевернуться или развалиться, но Тангороа помог построить по-настоящему крепкую калипоуло. Лодка не переворачивалась и не тонула, что ещё больше бесило Злых Рыб. В один момент, изловчившись, большая Злая Рыба забрала с собой моего дядю. Она запрыгнула своим телом на лодку и хотела схватить меня, но мой дядя ударил её кулаком в нос. В место, где Злая Рыба может чувствовать боль. Обидевшись, она схватила его за руку и утащила под воду. Дядя успел только крикнуть: «Макоа!...» и тут же исчез под водой. А вся вода вокруг лодки стала красной от крови. Оахо!

– Оахо! А ты?

– Я испугался. Не буду скрывать. Я испугался, хотя до этого момента не боялся. Учув в воде кровь, Злые Рыбы словно взбесились. Вода закипела от их ярости. Я не заплакал и не закричал, хотя и остался один и был ещё маленький. Только хаоле плачут. Я продолжал молиться, держа в руке нож. Я вспомнил заклинание кайтариа, которому обучил меня отец, и трижды вслух прокричал его. Услышав слова заклинания, Злые Рыбы исчезли. Они разбежались от моих слов. Я засмеялся. Засмеялся от радости. Потому что их было так много, они были такие страшные и сильные, а я такой слабый разогнал всех всего одним лишь заклинанием. Почему я не вспомнил его раньше? Может, дядя остался бы жив... Как оказалось, обрадовался я слишком рано. Я нагнулся к воде, в надежде, что, может, заклинание вернёт мне и дядю. Ведь я был один в царстве Гигантского Моллюска и Акульего Бога... Я не увидел в морской пучине своего дяди, вместо него гигантская тень поднималась с неизвестных глубин. Никто до меня не видел такой большой рыбы, иначе бы я знал подобные истории. Она поднималась всё выше из пучин, и я понял, почему убежали Злые Рыбы. Потому что пришёл Акулий Бог!

– Не рассказывай мне сказок, старик! – гневно перебил я рассказчика. – Хотя ладно, доскажи свою сказку до конца.

– Акулий Бог поднимался из глубин. Он был такой большой! Такой огромный! Как остров! Моя лодка была очень маленькой по сравнению с Морским Богом. Нужно было сделать много шагов, чтобы пройти вдоль него. Можно было бы посадить всех жителей нашей деревни ему на спину и всё равно бы осталось ещё много свободного места. Оахо!

Он на секунду замолчал, переводя дыхание, а потом продолжил:

– Акулий Бог слегка задел мою калипоуло и лодка сразу перевернулась. Я оказался в воде и увидел очень близко его зубы. Каждый зуб был размером с мою руку, и таких зубов у Акульего Бога оказалось много. Очень, очень много. Он хотел съесть Макоа. Я знал это. Я нырнул к нему навстречу и, смирившись, стал ждать, когда он подплывёт. Всё это время я смотрел в его холодные глаза и, мысленно, со всей силой моего сердца, просил: «Акулий Бог, ты такой бо-ольшой, а я такой ма-аленький. Зачем я тебе? Зачем?» И он не тронул меня. Огромное тело подплыло ко мне, а я ухватился за плавник, и он вынес Макоа на поверхность. Акулий Бог

не пытался сбросить с себя маленького человека. Он нёс меня на себе, и моя голова находилась над водой. Я очень-очень крепко вцепился в плавник и отпустил его только тогда, когда оказался у берега. Оахо!

Мы помолчали. У меня не было слов, а Макоа просто передохнул.

– Я думал, что Акулий Бог сказка. Так сказали мне святые отцы-хаоле в миссии, – первым нарушил тишину я задумчиво. – Я думал, никто не видел его!

– Нет! Нет! Не верь! Я видел его! Он существует! Мало того, в своей жизни я ещё один раз с ним встретился. Когда вырос, как все мои друзья и подруги, и стал мужчиной к нам стали часто приплывать хаоле. На очень больших лодках под огромными белыми парусами. Однажды хаоле с одной огромной лодки схватили меня и ещё много мужчин и женщин. Всех, кого смогли поймать. Они связали нас и привезли на калипоуло на свою волшебную лодку. Там бросили в тёмную яму, в которой почти не было света. Мы кричали: «Хаоле! Отпустите нас! Мы ничего плохого вам не сделали! Никто не украл у вас ни одной вещи! Зачем вы связали нас?» А они не слушали, и большая лодка плыла и плыла, унося нас всё дальше и дальше от дома. Я слышал, что за год до этого хаоле увезли так же жителей одного из далёких островов. Как рассказывали торговцы-кулу, никто из этих людей домой не вернулся. Они все сгинули в мрачном царстве хаоле. Как выглядит мир белых людей? Я не знаю, но точно могу сказать, что люди Акульего Бога не смогут жить в тех местах. Мы все знали эту простую истину и решили действовать. Три дня плыла большая лодка хаоле в царстве Гигантского Моллюска и все три дня мы пытались общими усилиями освободиться. Сдирая дёсны до крови, зубами разгрызли верёвки друг другу, а потом руками начали ломать деревянную крышку, которая закрывала нашу яму. Когда у одних ломались ногти на руках и они, обливаясь кровью, отползали, их тут же заменяли другие. Оахо! Мы вырвались! Хаоле уже ждали нас с ружьями в руках. Они начали стрелять в воздух и палками бить нас, загоняя внутрь, назад в яму. Но я был молод и ловок. Я увернулся от всех ударов и прыгнул за борт. Ещё четверо молодых мужчин, кроме меня, смогли спрыгнуть с большой лодки хаоле в воду. Мы поплыли. Нас было пять.

Он замолчал. Молчал и я.

– Хаоле спустили несколько своих калипоуло и погнались за нами. Они пытались выловить нас из воды. Но где им? Мы привычно ныряли, когда они подплывали на своих лодках к нам, и легко ускользали от жадных до наших тел хаоле. Мы смеялись над ними и дразнили. Ведь плачут только хаоле. Они не стали стрелять и, когда им не удалось поймать ни одного из нас, развернули к большой лодке свои калипоуло. А мы плыли, мы плыли, мы плыли. Три дня нас уносила от нашей родины большая лодка хаоле. А сколько дней нужно было плыть к острову без лодок? Не знаю. Но мы были словно пьяные. Нам было весело, потому что снова оказались свободны. И мы плыли, плыли, плыли! Пришёл вечер, прошла ночь. Утром следующего дня заспорили между собой. Двое решили плыть в одну сторону, а мы втроём, в другую. Что ж, теперь все были свободны, и мы разделились. Больше я тех двоих, что от нас отделились, не видел и ничего о них не слышал. Теперь нас осталось трое. К концу второго дня появилась Злая Рыба и схватила за ногу одного из нас. Она таскала его по воде из стороны в сторону, а он кричал на неё и бил кулаками, но всё равно она утащила человека к Акульему Богу. Мы ничем не смогли ему помочь. Потому что устали. Солнце сильно пекло, голова начала кружиться, и я уже не знал, где я. Умер или ещё жив. Я потерялся. Я начал терять сознание и вслух разговаривать с предками. Оахо! Меченный, который плыл рядом со мной, вдруг сказал, что видит под водой всю нашу деревню. Что видит друзей и родственников и они все зовут нас к себе. «Тебе кажется, Меченный», – попробовал поговорить с ним я. Но он рассмеялся нехорошим смехом. «Ты дурак, Макоа!», – сказал он мне. – «Ты дурак, Макоа, если никого не видишь! А я пойду к ним!» «Не надо, Меченный! Тебя зовёт к себе Гигантский Моллюск. Это он принял образ твоих друзей и родных». «Ты – дурак, Макоа», – снова засмеялся Меченный и, вдох-

нув побольше воздух, нырнул. Я видел, как он исчезает в глубине, спускаясь туда, откуда его позвали. Назад он не выплыл...

– Дальше, Расскажи дальше, старик, – потребовал я продолжения.

– Я остался один. И когда уже не мог держаться на воде, неожиданно вспомнил заклинание кайтариа. То самое, что помогло мне, когда я был ребёнком. Почему я снова забыл его и не вспомнил раньше? Вспомни я его, наверное, остальные были бы живы, а, возможно, Акулий Бог съел бы их всех. Не знаю... Но и в этот раз Акулий Бог снова услышал меня. Он поднялся с самого дна и подплыл ко мне – огромный и страшный. И начал говорить со мной. Может, мне казалось, что я с ним разговариваю, а, может, мы и на самом деле вели беседу. Он описал вокруг меня несколько кругов, а я ждал, что он будет делать дальше. И вдруг я услышал голос, который был подобен грому: «Ароа, Макоа!» – поздоровался со мной Акулий Бог. Я очень обрадовался, когда услышал его голос. Не каждый день с людьми говорят боги. «Ароа, Акулий Бог!» – уважительно ответил я. «Макоа, опять тебе плохо, опять ты попал в беду, и зовёшь меня?» – загрохотал Акулий Бог. «Да, да, Акулий Бог. Я попал в твоё царство, и у меня больше нет сил. Я утону без твоей помощи, Акулий Бог! Помоги мне... Ведь ты можешь спасти меня! Ты здесь главный и вода, все рыбы и люди подчиняются тебе. Спаси меня!» «Я помогу тебе, Макоа!» «Спасибо, Акулий Бог!» «Я помогу тебе, Макоа, потому что твой народ почитает меня. Знай, Макоа, идут страшные перемены. Жадные хаоли изменят мой мир и погубят твой. Они разрушат всё. Не будет больше Макоа, не будет внуков Макоа и я, Акулий Бог, тоже исчезну!» «Ты говоришь страшные вещи, Акулий Бог!» – ответил я. «Я помогу тебе, Макоа! Но ты должен остановить хаоле! Только ты можешь их остановить... А теперь возмись руками за мой плавник!» Я схватился за плавник Акульего Бога, и он понёс меня к моему острову. Иногда я терял силы и отпускал плавник. Акулий Бог не давал мне утонуть. Он подныривал под меня и снова нёс, нёс меня к моему дому...

– Ты большой лгун, Макоа! – сказал я и сделал несколько маленьких шагов в его сторону.

– Я никогда не был лгуном! Я вижу, ты решился, хочешь наконец-то закончить со мной? Во имя чего ты пришёл убить меня?

– Во имя Иисуса!

– Иисуса? Он теперь ваш бог? А где вы потеряли старых богов? Я не хочу знать нового бога! Мой бог – Тангароа! И Акулий Бог! Ты знаешь, там, на небесах, боги тоже ведут свои войны. И если люди на земле забывают своих старых богов, они не могут бороться. Они чахнут, становятся слабыми. Такими слабыми, что новые боги убивают и пожирают их.

– Иисус – бог кроткий и он милосерден к людям, – вспомнил я слова святых отцов-хаоле из миссии.

– Тогда почему ты убиваешь во имя его и с его именем на устах?

– Глупый старик! Иисус бог добрых и достойных людей! А твои боги кровожадные!

– Ты говоришь, мои боги кровожадные? Нет, твой новый бог намного кровожаднее моих!

Как только приплыли на нашу землю хаоле, как только построили свои миссии-храмы, как только появился Чужой Бог, начались бесконечные войны во имя его и для его победы. В один месяц на наших островах стало гибнуть больше людей, чем раньше за целое поколение. Да, мы приносили жертвы Тангароа и Акульему Богу, но Иисус потребовал себе намного больше жертв, чем просили раньше наши боги. Посмотри, за два поколения нас стало в десятки раз меньше, чем было раньше. Кто в этом виноват? Иисус? Хаоле? Миссия? Нет, первым делом, вы сами! Вы предали своих богов, а ведь многое зависит именно от вас, людей, а не богов. Когда я только стал мужчиной, мы начали войну с одним соседним островом. Деревня наших врагов стояла на возвышенности. И нам надо было подняться на самый верх по покатому склону. Уж очень удачное место они выбрали для своей крепости. Мы начали подъём, а наши враги осыпали нас камнями из пращей. Какой это был трудный путь! Нас оставалось всё меньше и меньше. Камни убивали и калечили одного за другим моих друзей и моих братьев. И когда

я увидел, сколько отважных воинов мы потеряли, то встал во весь рост. Я посильней раскрутил пращу и пустил камень прямо в лоб стоящему перед деревней изображению чужого бога. От камня, направленного моей рукой, вражеский бог упал. И все жители враждебной деревни побежала от нас. Побежали, потому что бог упал, потому что у них не было больше бога! Без своего бога они сразу потеряли силы, мгновенно проиграли. Мы же догоняли и легко убивали беглецов. Догоняли, пока не убили их всех.

Я слушал его и понимал, почему отцы-хаоле в миссии сказали, что этот человек очень опасен. Да, он может легко повести за собой людей. Я просто обязан убить его.

– Я не могу оставить тебя среди живых, Макоа!

– Так иди ко мне, Каду! Не бойся, я не буду сопротивляться! Убей меня и проиграй! А ты знаешь, как обращаются с проигравшими? До нашего прихода на этих островах жил народ, прозванный твоими предками «Древними». Они не походили на нас. Ох, как они не были похожи на нас! Твои прадеды легко победили их и оставшиеся в живых спрятались в горах, в самой непроходимой лесной чаще. Чтобы выжить, они попытались сделаться невидимыми. Уцелевшие не разводили огонь. А когда куда-либо шли, то всегда несли с собой побольше листьев и засыпали свои следы, чтобы нельзя было выследить, но ничто им не помогло. Наши предки с помощью богов нашли и убили всех, до последнего человека. Такой удел слабых. Оахо!

– Ты много говоришь, старик. Время подходит. Ты готов?

– Ты завалил камнями своё сердце, Каду и невольно стал слабым. Ты всё делаешь, чтобы наш мир умер, а наше Солнце погасло. Вы все так изменились, так изменились! Вы словно сошли с ума. Наши женщины совсем перестали рожать. Они первые предали наших богов во имя вещей хаоле. А какие были раньше! Красивые. Они заплетали в свои волосы цветы и были самыми красивыми женщинами на всех островах, во всём мире! Да что я говорю? Они были похожи на цветы! Нет! Нет! Они сами были цветами! Оахо! А потом пришли хаоле. У них было много интересных и необычных вещей, которые всегда почему-то ломались или терялись. Эти вещи ценились нашими женщинами, и они начали настоящую охоту за ними. Они перестали рожать детей, ведь дети стали обузой. Наши красавицы выходили на берег и ждали, ждали, ждали, когда появятся большие лодки хаоле. Едва белые паруса оказывались у наших берегов, матери забывали про своих детей, жёны про мужей, а невесты про женихов. Они сбрасывали с себя одежду и носились по берегу, звали руками хаоле и кричали: «Хаоле, возьмите меня к себе! Я самая красивая! Нет, я!» И ещё дрались между собой на потеху пришельцам. Самые молодые подплывали прямо к большой лодке хаоле. Пришельцы смеялись над ними и охотно брали в свои лодки наших женщин. Посмотри, какие эти хаоле? Страшные – все покрыты насекомыми и язвами. А какие они грязные! Вонючие! Однако, познав вкус чужих вещей, наши женщины всё равно бежали к хаоле, и те, когда они им надоедали, надев на шею долгожданные бусы, выбрасывали их в воду. Бусы и зеркала хаоле стали больше нужны им, нашим женщинам, чем мы и наши дети. Нам они тоже приносили подарки от хаоле – насекомых, которые жили на теле и болезнь, от которой тело покрывалось язвами, а нос разрушался и разваливался.

Он не мог остановиться. Да он и не остановится никогда. Ты опасен, Макоа. Ты знаешь это? Не зря миссионеры сказали мне: «Каду, ты можешь оставить в живых десять человек, но убей Макоа!» И я убью тебя, старик. Но я хочу увидеть твои глаза. Я хочу увидеть страх в твоих глазах.

– Женщины изменили своему народу и изменились сами. Во времена моей молодости, чтобы добиться расположения понравившейся тебе девушки, нужно было забраться на самую высокую скалу. Думаешь, это было легко сделать, Каду? Нет! Как-то наступил момент, и пришло моё время. Я тоже полез по скале. Оахо! Я поднимался всё выше и выше. Нужно было достать из гнезда на самом верху скалы яйцо, чтобы доказать, что ты был на самой вершине.

Птицы, которые знали, зачем мы пробираемся в их убежище, нападали на нас. Когда я поднялся на такую высоту, что люди внизу стали похожи на насекомых, птицы напали на меня. Они громко и недовольно кричали, а своими большими крыльями старались сбросить меня вниз.

– Сейчас намного проще, старик, – рассмеялся я, – хаоле научили наших женщин не ломаться. Стоит показать любой из них что-либо из вещей хаоле и она сразу сама попытается с тобой уединиться.

– Нет, это неправильно! Мы жили по-другому, и я рад, что помню иную жизнь! С той скалы немало юношей упало и разбилось насмерть. Едва несколько раз не сорвался и я. Я лез вверх, отбиваясь одной рукой от птиц, а они расклевали и расцарапали всё моё тело. Кровь бежала по нему и капала вниз, к ногам моей девушки. А я всё лез, лез и лез. Я добрался до гнезда и принёс моей любимой яйцо. Все восторгались мной и хвалили меня. В тот день я стал мужчиной и никогда не забуду ту скалу.

– Хватит говорить, глупый старик, – прервал я Макоа. – Пришло твоё время. Время умирать.

– Подожди! Посмотри на себя – видишь, твоё тело чистое. А моё – покрыто знаками. Почему вы перестали носить знаки на теле? Ведь они так много значат! Каждый знак рассказывает о герое, о каком-либо подвиге, свершении или событии. Вы забыли наши истории, наших героев – и сразу проиграли.

Я уже рядом с тобой, Макоа, и я хочу увидеть твои глаза!

– Оахо! Вы и не заметили, как вас завоевали. Завоевали лживыми словами, завоевали яркими, но никчёмными предметами. Женщины перестали быть женщинами, мужчины – мужчинами, а дети – детьми. Мы перестали делать своими руками вещи. Свои вещи. И в наказание к нам перестали приходить свои мысли. За нас теперь думают и всё решают хаоле. А мы словно умерли.

– Раньше мы были дикарями, старик! А я не хочу, чтобы меня называли дикарём! Я не хочу, чтобы меня звали дикарём!

– Ты не дикарь, Каду! Это они дикари! Мы ведь как-то жили до их прихода! Жили с женщинами, похожими на цветы, с мыслями, сверкающими, как звёзды. С самыми умными детьми и с высоко поднятой гордой головой. Мы делали своими руками такие красивые предметы, каких не сможет изготовить больше ни один народ в мире! Ты не дикарь, Каду!

Я ударил его ножом в живот. Чужая кровь оказалась на моих руках.

Он тяжело положил свои руки мне на плечи. Я отчётливо увидел его лицо. Нет, он оказался совсем не старый! Только несколько морщин указывали на то, что ему не было и пятидесяти. Это было лицо. А вот глаза... Я по-прежнему не видел его глаз.

– Ты не дикарь, Каду, – прошептал он, а я, почувствовав кровь, не в силах остановиться, наносил ему один за другим удары крепким ножом хаоле. Кровь Макоа, такая липкая, залила мои руки...

Глава 1

Я проснулся. Каждую ночь, на протяжении более двух недель меня мучил один и тот же сон. Сон не хотел пропустить ни одну ночь, он не хотел дать мне отдых, и с неизменным постоянством ждал, когда я начну засыпать. Каждую ночь я слушал Макоа и каждую ночь убивал его. Я знал наизусть все слова, которые должен был произнести Макоа. Наваждение не проходило, как бы я не просил, чтобы оно оставило меня в покое, а, наоборот, становилось ночь от ночи всё чётче и реалистичней.

Сегодня я опять проснулся с непередаваемым противным ощущением присутствия на моих руках чужой крови. Я встал с постели и поспешно направился на кухню. Здесь, наклонившись над мойкой, покрутив барашек смесителя, открыл выход для воды. Потом долго стоял возле мойки, не спеша вытащить руки из-под струи воды. Холодная жидкость текла, омывая ладони, а я постепенно приходил в себя, пытаюсь освободиться от магии сна. Я машинально тёр мылом с виду чистые руки, пытаюсь ответить на ряд мучивших меня вопросов. Когда весь этот кошмар закончится? Скоро ли Макоа оставит меня в покое? Может, пойти и обратиться к психиатру? Уж слишком реальным кажется всё происходящее во сне.

Почему я оказался избранным для ночных кошмаров? Увольте меня, пожалуйста, от подобной чести! Чем я заслужил подобное расположение? Я обычный парень, ничем от других не отличаюсь, мне всего двадцать шесть лет. Неплохо зарабатываю. Правда, все деньги уходят на ипотеку и на различные тусовки.

Нельзя сказать, что я отхватил себе огромные хоромы. Так, однокомнатная квартирка, в которой я живу, и которая в то же время... не моя. Этакий квартиросъёмщик у банка, добровольный раб, отказавшийся от детей и семьи ради нескольких квадратных метров, которые, возможно, когда-либо будут принадлежать мне. Мой хороший знакомый Денис, болезненно интересующийся историей, несмотря на свои знания и образование работающий в торговле, недавно рассказал мне свои изыскания по поводу ипотеки. Оказывается, это довольно древнее изобретение. Во времена Византийской империи генуэзские купцы придумали гениальный лохотрон, и, продвинув путём взяток новую идею, запустили прибыльный механизм в действие на территории Византии. Словно пчёлы собирали они нектар с чужих полей в свои улья. А в Византии мгновенно подорожало жильё, и жители, не имея возможности из-за искусственной дороговизны покупать дома, вынуждены были пользоваться услугами иноземных банков. Цены на жильё всё росли и росли до тех пор, пока народ окончательно не разорился и не начал покидать столицу империи. А через пару лет пришли турки, и Константинополь остался без защитников.

Впрочем, на данный момент меня меньше всего волновала давно почившая Византийская империя. Больше всего меня беспокоил навязчивый Макоа. Его слова, произнесённые в моём сне, преследовали меня везде и всюду. Стоило включить телевизор, как тут же мне попадалось что-либо, соответствующее по духу и смыслу высказываниям старика из сна.

Вконец измотанный я решил, что нужно что-то предпринять, чтобы разобраться со всеми этими снами и с главным нарушителем покоя – Макоа. Кто мог мне помочь в таком деле? Я знал лишь одного умника, способного дать конкретный совет.

Я подошёл к телефону и набрал нужный номер. После нескольких коротких гудков услышал знакомый голос:

- Алло?
- Привет, Дениска! Не помешал? – бодро осведомился я.
- А, здорово, Олег! Да ничего, вроде как свободен.
- Всё ковыряешься в своих книжках?

– Ну да... А что прикажешь ещё делать? Они отвлекают хоть немного. Телевизор этот – «больной на голову» – давно смотреть не могу...

– Слушай, Дениска, помоги, – попросил я приятеля. А потом по памяти продиктовал несколько слов из своего сна и попросил узнать их значение. Услышав произнесённые мной слова, Денис даже присвистнул от удивления:

– Ничего себе, ты даёшь! Ты что за передачу смотрел? Или азбуку наконец-то освоил, и читать начал? Расскажи, что читаешь, ведь точно не «Репку». Прогрессируешь, Олега! А я думал, что только по своим клубам можешь шататься...

– Слушай, ты эту книжку никогда не прочитаешь.

– А почему? – по голосу Дениса я сразу определил, что его очень задело то, что есть какая-то книга, к которой его не хотят допустить.

И я, неожиданно для себя, всё ему рассказал. Про сон. Про Макоа. И про то, как я каждую ночь, много дней подряд, убиваю его. Денис некоторое время молчал после моего рассказа, наверное, пытаясь переварить услышанное.

– Типичный случай, – наконец сказал он.

– Чего? Клинического случая психиатрии?

– Да нет! Ты что! Типичный случай неосознанного путешествия во времени. Во всяком случае, я так называю подобное явление. Поясню тебе, неандертальцу. Например, когда кого-либо погружают в гипнотический транс, многие совершают такие путешествия во времени, оказываются в теле других людей, живших задолго до нас и зачастую на другом конце света. Я, практически, сразу поверил тебе. Уж слишком ты квалифицированно начал сыпать на меня понятиями и терминами, которых и я не знаю. Однако, кое-что могу сказать сразу. Действие твоего «сна», – он специально, интонацией, выделил это слово, – происходит где-то в начале девятнадцатого века, в Полинезии или Микронезии. Я помню, что Тангароа – один из основных и наиболее почитаемых богов на многих островах Тихоокеанского региона. А вот про Акульего Бога, честно, я ничего не слышал. Давай я немного покопаюсь у себя, а ты ползаешь по сайтам, – он назвал несколько компьютерных адресов, – составь себе представление об эпохе и её героях, так сказать. Перезвоню, пока.

Положив на место телефонную трубку, я, первым делом, включил компьютер. Пока программа загружалась, я нервно ходил туда-сюда по комнате. Честно сказать, то, что Денис отнёсся к моему рассказу серьёзно и не поднял меня на смех, порядком напугало меня. Путешествие во времени! Этого ещё не хватало!

Пока я пытался успокоиться, на экране компьютера появилась картинка. Немного позже выстроились в колонку значки на мониторе, показывая, что умная машина готова к работе. Я удобно расположился в компьютерном кресле и, оказавшись в Гугле, начал поход по рекомендованным Денисом сайтам. Иногда, чтобы уточнить что-либо меня интересующее, я задавал компьютеру вопросы, а в ответ получал полные информации колонки, где мог найти ответы.

Как всегда, погрузившись в виртуальный, компьютерный мир, я оказался в ином измерении. Время проносилось быстро, но не бесследно и бессмысленно, как бывает обычно. Я много узнал и много понял. Шаг за шагом открывал для себя и обозревал путём холодных цифр и предложений одну из самых гигантских демографических катастроф, которая когда-либо случалась. Статистические данные сухо повествовали о том, как, после появления белого человека болезни, социальная апатия, алкоголизм и проституция уменьшили коренное население островов Тихого океана за пару поколений в десятки раз. К тому же, к перечисленному убийственному набору, белые миссионеры, во многих местах, развязали религиозные войны, которые больше походили на бойню, на дикий отстрел всех инакомыслящих.

Призывно зазвонил телефон. Я машинально поднял трубку:

– Алло?

– Это я, – сообщил радостно и без того понятную новость Денис. – Что делаешь?

– Читайте, что ты посоветовал. И медленно офигеваю...

– Про твёрдую поступь цивилизации?

– Ага. Про неё, родную. Последствия шокируют.

– Это точно. Я немного справки навёл по поводу твоих словечек. Докладываю. «Хаоле» – слово, которым жители островов в Тихом океане обозначали белых людей. «Калипоуло» – название рыбацкой лодки. И так далее. Вообще, на мой взгляд, заметно некоторое смещение слов и терминов из разных регионов Тихоокеанского бассейна. Но такое явление можно легко объяснить. Это всего лишь означает, что твой остров находится на границе воздействия различных культур, в приграничной контактной зоне. С другой стороны, все описанные события могут происходить во время активного межкультурного взаимодействия, когда чужие слова легко перебрасывались моряками-переносчиками от одного архипелага к другому.

– Ну, какой же ты умный! – сказал я со всей язвительностью, на которую был способен. – В очередной раз унизил своего неполноценного товарища. И что из этого следует?

– Что из этого следует? Да то, что твой мир реальный! И что кто-то пытается настойчиво пробиться в наше время. Знаешь, я тут подумал, что пространство и время иногда создают такую условную точку в мироздании, где возможно сближение миров. И в такой точке обязательно должно случиться что-либо такое, что в принципе невозможно.

– А я здесь причём?

– А при том, что твоя квартира и ты явились той точкой излома времени и пространства.

Мне сразу стало как-то не по себе, когда я понял смысл его фразы. А Денис, будто ничего такого и не сказал, спокойно продолжал:

– Я недавно читал про такое явление. В Китае, однажды, на глазах у многих свидетелей пропал целый батальон солдат. Или дело было в Турции, во время первой мировой, не помню. Но то, что подобные случаи время от времени происходят – научно доказанный факт.

– Ну, вот, когда хочешь, можешь же обрадовать! За что я тебя люблю, так это за искусство добавить в последнюю минуту жизни приговорённого здоровый оптимизм!

– Всегда готов поддержать в трудную минуту. Так про что читаешь? Забыл уже, что ты ответил.

– Да про цивилизаторов...

– Про цивилизацию? Я называю это понятие словом – ширмой. Так же, как и термин «демократия». Насколько слово «цивилизация» агрессивно, настолько понятие «демократия» разрушительно. Во всяком случае, многие процессы, которые происходят за подобными вывесками, не несут ничего хорошего.

– Подожди, подожди, что-то тебя понесло не в ту сторону! А мне-то что делать?

– Вмешаться в сон. Не быть пассивным зрителем, как-то проявить себя, иначе может произойти что-либо крайне неприятное. Ладно, давай, я ещё кое-где покопаюсь, подумаю и перезвоню тебе.

Я положил телефонную трубку, встал и нервно походил по комнате. Потом пошёл на кухню, сотворил пару бутербродов, механически сжевал их и поторопился закурить первую сигарету. Когда огонь добрался до пальцев, я потушил бычок и закурил ещё одну. Намёки Дениса мне совершенно не понравились. Всё не давала покоя воображаемая пространственно-временная точка излома, и я, как её центр. Я не такой заумный, как Денис, и мне на ум почему-то пришла в первую очередь не научная муть, а всем известный фильм о Фредди Крюгере. В той истории тоже всё происходило во сне. Люди там так же попадали из реального сна в мир сновидений, но ведь раны-то они получали настоящие и умирали мучительной и страшной смертью. Допустим, я вмешаюсь в сон. Но какой тогда будет цена подобного вмешательства?

Притягиваемый магнитом, носящим название «компьютер», я снова погрузился в виртуальный мир. Часа через полтора позвонил Денис:

– Слушай, давай поиграем в твоём сне, – задыхалась от смеха телефонная трубка, которую я держал, – Англия, а за ней Америка безнаказанно строила своё будущее в этом регионе на чужом горе, а мы их обломаем. Ты поговоришь с этим мужиком, расскажешь ему что-либо такое, что очень не понравится его противникам....

– Не хочу слушать!

– Послушай, послушай...

На этот раз Денис не мучил меня своими гипотезами и теориями. Он, как из рога изобилия, сыпал бесконечным водопадом идей. А я слушал его и запоминал всё, что он говорил, иногда уточняя некоторые детали. Ну и голова всё-таки у Дениса! Ни мало, ни много, пусть даже во сне, мой приятель готовил мировой переворот. До наступления поздней ночи он успел ещё несколько раз позвонить мне, неизменно настраивая на решительные действия.

– Ладно, завтра созвонимся, – в конце концов, закончил он бесконечные телефонные переговоры, – расскажешь мне, что да как.

Я с облегчением положил на место телефонную трубку, и с нескрываемой радостью выключил компьютер.

На улице было темно и ничего не видно. Стоя перед окном на кухне, я выкурил ещё пару сигарет, а потом посмотрел на календарь, висящий на стене. Завтра понедельник, пятнадцатое октября две тысячи пятнадцатого года. Начинается рабочая неделя, а я опять с этими снами, с компьютерами не выплусь, буду как варённый. Того и гляди уволят.

С такими, далеко не радостными мыслями, я направился спать.

Глава 2

– Ароа, Макоа! – вежливо поздоровался я со стариком, перебравшись из одной реальности в другую.

– Ароа, Каду!

В разговоре воцарилось неловкое молчание, но через некоторое время он вдруг задал совершенно обескураживший меня вопрос:

– Каду, а почему ты не говоришь, что пришло время умирать?

Я даже вздрогнул, когда услышал вопрос. Получается, он помнил, как предыдущей ночью я его убил. И ещё за ночь до этого, в другую ночь, тоже... С ума сойти! Значит, на протяжении многих ночей, я **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО УБИВАЛ МАКОА!** Он много раз умирал на самом деле, чувствуя настоящую боль. Кто-то раз за разом ставил одну и ту же пластинку, вызывая меня из будущего в прошлое. Но кто? И зачем?

– Потому что надо жить, Макоа, – неуверенно произнёс я. – Приготовься, сейчас ты услышишь много нового и интересного для себя. Попытайся запомнить, что я тебе расскажу, эти знания помогут твоему народу победить хаоле. Я помогу твоему народу выжить. Может, ты сможешь изменить свою историю, а заодно, и мою. Хотя бы во сне.

Я немного продвинулся вперёд в кромешной тьме. По предыдущим снам я знал, что где-то здесь находится большой камень. Скоро я нащупал его и присел на гладкую и холодную поверхность.

– Подойди поближе, Макоа! – позвал я старика.

В голове у меня проносились сотни мыслей, состоящих то из осмысленных фраз, то из бессмысленных обрывков. Правильно ли я поступаю? Вмешиваясь в судьбу народа Макоа, я невольно вмешиваюсь в судьбу своего народа, в судьбу своего мира. Если же я вмешиваюсь в ход событий, значит, хочу что-то изменить. А если мне хочется изменить мир, в котором живу, то, выходит, я очень сильно недоволен тем, как он устроен. Значит, мне что-то не нравится. Что же мне не устраивает в том, моём, мире? Мне не нравятся кредиты, пугают огромные суммы в квартирных квитанциях. Мне не нравится, что наши женщины, похожие на цветы, уезжают за границу, готовые на всё ради сиюминутной выгоды. Мне не нравится, что наши девушки, не желая обременять себя, перестали рожать детей. Мне не нравится, что на улицах появились беспризорные дети и маньяки, о которых раньше никто не имел никакого представления. Мне не нравится, что обычным нормальным детям стало страшно выходить на улицу. Мне не нравится, что в свои годы я не могу позволить себе завести семью. Мне не нравится, что такая могучая и сильная держава стала вдруг такой слабой и зависимой. Мне не нравится, что чистые идеалы были заменены извращёнными понятиями. Мне не нравится, что в людях умерла мечта, и они всё больше становятся похожи на животных. Мне ещё многое, что не нравится. Поэтому я готов к разговору, Макоа!

Я начинаю посвящать его в знания, которые принёс с собой из будущего. Сначала рассказываю об Англии и Голландии, коротко, самую суть. О том, как они удалены от острова. Потом пересказываю прочитанную несколькими часами раньше, по моему биологическому времени, историю Камеха-меха, гавайского вождя, который смог создать независимое государство. Он заставил считаться с гавайцами хаоле. Как можно эмоциональней, рассказываю, как Камеха-меха всюду скупал ружья и даже военные корабли. Как задерживал насильно у себя белых матросов с разбившихся кораблей и заставлял узников обучать своих воинов тактике хаоле.

Услышав историю о гавайце Камеха-меха, Макоа пришёл в восторг:

– Оахо! Каду, то, что ты поведал мне – правда?

– Конечно, всё, что я сказал – правда, – я охотно подтверждаю свой рассказ и продолжаю говорить. Я выложил старику всё, что знал о кораблях хаоле. О том, что они сделаны

из дерева, а дерево, как известно, боится огня. В кораблях хаоле заключается и их сила, и их слабость. Если научиться топить большие лодки пришельцев, то они не смогут доставлять солдат и автоматически проиграют любому, живущему за морем, народу. Я подробно описал методы и способы изготовления пороховых ракет. Затем начал объяснять, как такими ракетами можно с берега обстреливать вражеские корабли. Китайцы использовали для летающих снарядов полый бамбук, неужели ничего подобного нельзя будет найти на острове? Макоа хорошо знаком с порохом, говорит, что сам его изготавливает. Он понимает мою идею и восторженно восклицает.

А я продолжаю перечислять множество вариантов, как можно заставить жадных хаоле уважать гордый островной народ. У меня очень способный ученик, он слушает внимательно, иногда задавая технические вопросы. Полинезиец сразу понял, как можно на шесте укрепить мину и с такой примитивной торпедой взорвать корабль. Но ещё больше ему понравилось описание «коктейля Молотова». А я только захожусь ещё больше от его интереса и рассказываю ему о дельтапланах, о составе напалма, о подводных лодках и кассетных арбалетах. Особое внимание уделяю методам ведения партизанской войны, вспоминая опыт вьетнамской войны и нашей Великой Отечественной. Он сразу оценил эффективность ям-ловушек, а когда я его просветил, как можно изготовить различные яды и зачем нужно смазывать ядом наконечники стрел, Макоа твёрдо сказал, что теперь он знает, как победить хаоле. Я кивнул головой. Да, пусть только высажат на берег десант из Индии или Метрополии. На берегу их будет поджидать масса сюрпризов подготовленной партизанской войны. К тому же, всегда можно пустить в дело небольшие диверсионные отряды. Ни один наглый хаоле не вернётся домой, я уверен в этом.

Я знал, что он сможет повести за собой людей, и поэтому я сидел напротив него, в темноте пещеры, и учил, учил, учил Макоа новым способам и методам убийства себе подобных, ещё не применявшихся в этом мире. Занятые беседой, мы не заметили, как наступил день. Те, кто ждали меня перед входом в пещеру, всё моё Акулье Братство проснулось и заволновалось.

– Каду!

– Каду, почему ты не выходишь?

– Каду, ты где? – стали звать меня снаружи пещеры голоса моих друзей – убийц.

– Сейчас я выйду! – крикнул я в ответ. – С головой Макоа!

Я встал с камня. Глаза, привыкнув, давно хорошо видели в темноте пещеры. Я никому не говорил, что знал очень хорошо эту пещеру со времён своего тяжёлого детства. Будучи ребёнком, я исследовал её и нашёл у пещеры второй выход.

– Иди за мной, Макоа, и ничего не бойся! Я пришёл, чтобы помочь тебе! – я решительно направился к маленькому отверстию, которое никто, кроме ребёнка, не смог бы обнаружить. Выход из пещеры прятался за несколькими сталактитами и большими камнями. Отверстие было маленькое и очень неприметное. Никто в здравом уме не стал бы обследовать такой невзрачный ход, кроме глупого ребёнка. Благодаря детскому любопытству много лет назад, я и нашёл другой выход из подземного мира.

– Вытяни вперёд руки, чтобы не застрять, и следуй за мной, – скомандовал я Макоа и, тоже весь вытянувшись, принялся протискиваться в узкое горлышко. Едва мои руки проникли внутрь хода, как я тут же упёрся ногами в камень и начал пропихивать через опасный участок своё тело, расцарапав его в нескольких местах до крови. Проскользнув сквозь узкое горлышко, я оказался в природном мешке, со всех сторон сдавленном каменной породой.

Я встал на ноги и помог выбраться из горлышка Макоа. Слабый свет освещал нам предстоящий путь, каким-то чудом добравшись до самого дна каменного колодца.

Мы стояли вначале уходящей почти вертикально вверх шахты, на стенках которой, впрочем, виднелось немало хороших уступов, по которым можно было легко выбраться наверх.

– Кто ты, Каду? – серьёзно спросил меня Макоа. – Или кто там сейчас находится в твоём теле.

– Не время, – отмахнулся я от его вопроса, и мы, молча, начали подъём. Мы карабкались вверх, страхуя и поддерживая друг друга. Через полчаса, порядком запыхавшись, я вместе с Макоа достиг выхода из подземного царства, и мы оказались, наконец-то, на свободе. Теперь мы попали на небольшое каменистое плато, расположенное на самом верху огромной горы. Рассвет вступал в свои законные права, освещая для пришельца из будущего крайне колоритную картину ещё не загаженного человеческим прогрессом мира.

Я с любопытством осмотрелся. Прямо передо мной расстилалась бескрайняя гладь великого океана с тёмными водами, украшенными кое-где пенными барашками. Высокие горы за спиной, справа и слева, красиво тянулись к небу, позволив поселиться на крутых боках зарослям кричащей зелени. Однако, меня больше всего интересовало водное царство.

Макоа подошёл к краю обрыва и с интересом посмотрел вниз:

– Здесь очень высоко, – повернул он ко мне голову. И я, наконец-то, увидел его глаза: открытые, чистые, без единого намёка на страх.

– Но ты же знаешь, Макоа, что тебе всё равно нужно будет прыгнуть.

Он как-то нерешительно кивнул головой в ответ. В пещере уже наверняка бесновались от злобы, пришедшие вместе со мной воины. Все они прирождённые убийцы и охотники. Среди них мало дураков и они никогда не упустят добычу, никогда и никому не позволят водить себя за нос. Поэтому мои бывшие друзья не оставят нас в покое. Если они не найдут тайного выхода в пещере, то, наверняка, обнаружат едва различимый спуск с горы. Когда они до нас доберутся – всего лишь дело времени.

Я тоже подошёл к обрыву, нагнулся и посмотрел вниз. Очень далеко внизу, под неприступной каменной стеной, с рёвом и грохотом, разбивались о скалы океанские волны. Звук, который приходил снизу, своим грохотом мог напугать кого угодно. В месте прибоя образовалась пенная полоса, под которой могли скрываться острые камни.

На глаз оценив высоту, я, в свою очередь, смог оценить шансы Макоа, как не очень высокие.

– При ударе об воду тебя сильно оглушит, и ты потеряешь сознание, – вслух, негромко, принялся размышлять я.

– Но другого пути нет! – в этом Макоа был прав.

– Позови Акульего Бога, – неожиданно для себя сказал я. – Может, он снова поможет тебе. Ведь если он приходил раньше на твой зов, почему бы ему снова не появиться? Нам может помочь только чудо. При ударе ты лишишься сознания, и волны размажут тело об скалы.

Макоа серьёзно кивнул головой. Я скептически ждал, что он сейчас предпримет. Помоему, мне удалось загнать его в угол. Он зашёл в тупик. Интересно, сможет ли найти выход?

Старик повернулся лицом к океану и поднял вверх обе руки. Сначала тихо, а потом всё громче и громче он начал выкрикивать слова на каком-то незнакомом языке. Впрочем, та часть во мне, что принадлежала Каду, а не Олегу, узнала некоторые слова. Макоа говорил с океаном на языке древних. Он произносил давно забытые слова, которыми пользовался народ, обитавший на архипелаге в глубокой древности, и истреблённый предками Макоа и Каду во времена великого переселения.

Несколько минут Макоа мучил мой слух одними и теми же гортанными словосочетаниями, выкрикивая их в определённой последовательности, а потом замолчал. Я снова подошёл к краю пропасти и с любопытством посмотрел вниз. Волны всё так же с шумом разбивались о скалы, и нигде не было видно не малейшего намёка на чудо.

– И где твой бог, старик? – насмешливо спросил я, обернувшись к покрытому с ног до головы узорами Макоа.

– Да вон же он, Каду, смотри! – показал влево Макоа. У меня внутри груди очень неприятно напомнило о себе сердце, перейдя в другой режим работы, и появилась тяжесть в руках и ногах. Я повернулся в ту сторону, куда указал рукой Макоа. Из глубин океана к поверхности

поднималось нечто чудовищно огромное. Акулий Бог показывался из своего подводного царства быстро и уверенно, на глазах принимая отчётливые очертания. Вскоре, разрезая плавником верхние слои воды, гигантское тело невиданного размера акулы, начало медленно кружить возле самых скал. Сверху я смог хорошо рассмотреть тело морского хищника, но испуганный мозг отказывался поверить в тот размер, который видели глаза. Я никогда в жизни не мог представить, что подобные монстры могут встречаться на нашей старушке-Земле! Акула была не просто огромной, она была ... пугающе гигантской. Акулий Бог и на самом деле походил на... остров. Доисторический мегаладон услышал зов человека и явился на него во всей своей пугающей красе.

– Прыгаем, Каду! – закричал радостно Макоа. – Акулий Бог услышал мою просьбу! Он поможет нам обоим.

– Нет, он, наверное, съест меня, Макоа, – нерешительно сказал я.

И вдруг, в какой-то короткий миг, небо над головой почернело и там, где мы стояли, сделалось столь же темно, как вечером. Порывы холодного ветра обожгли моё тело и принялись играть моими волосами.

– У каждого свой путь! – услышали мы с Макоа за своей спиной голос, который не мог принадлежать человеку. – У Макоа свой путь, а у Каду свой!

Голос походил по звучанию на дуновение сильного ветра и одновременно нёс в себе элементы слабого грома. Почувствовав невольно в глубине своей души какой-то внутренний трепет, мы с Макоа, медленно повернулись в ту сторону, откуда донёсся таинственный голос.

Недалеко от нас, в нескольких метрах над землёй, в воздухе без всякой опоры висел человек. Всё тело незнакомца покрывала одним сплошным узором искуснейшая татуировка, а ноги плотно укутывало небольшое облако, которое и не позволяло человеку опуститься на землю. Над необычайно суровым лицом незнакомца собралось в одно мрачное пятно вселенская тьма, в которой сверкали маленькие молнии. Шею и грудь обвивало ужасающего вида ожерелье, состоящее из отрубленных человеческих голов. Каждая голова, несмотря на отсутствие тела, продолжала жить, открывая и закрывая рот, в немом крике прося о помощи. Лица страдали, перекошенные от ужаса, они каким-то образом продолжали жить жизнью проклятых.

– Тангароа! – невольно вырвалось у меня пришедшее из глубин памяти слово.

– Пришло предсказанное время. Конец света наступает – боги вернулись! – со страхом прошептал Макоа и упал на колени перед Тангароа.

– Встань! – приказал туземцу похожим на тихий гром голосом Тангароа. – Встань с колен, мой верный воин, Макоа! Ты должен прыгать, а Каду останется со мной! У него другое предназначение и другой путь! Макоа, ты должен поспешить! Я становлюсь всё слабее и слабее день ото дня. Люди перестали питать меня своей верой, а другие боги готовятся к нападению. Макоа, мой верный воин, иди и прыгай! Ничего не бойся, Тангароа ещё кое-что может! Я уменьшу расстояние, а камни на время сделаю мягкими. Вперёд, Макоа!

– Ещё увидимся, Каду! Спасибо тебе, ты подарил мне надежду! – попрощался со мной Макоа и, ни секунды не колеблясь, разбежался и прыгнул вниз. От решительности его действий у меня захватило дух. Впрочем, разве можно в чём-то сомневаться, когда ты воочию видишь богов и знаешь, что они готовы помочь тебе?

Невольно, я вновь заглянул в пугающую бездну. Макоа нигде не было видно в клокочущей и бушующей полосе прилива. Не было видно нигде и гигантской акулы. Человек и Акулий Бог исчезли в тёмных водах, возможно, навсегда. Но нет! Вдруг, в одном месте, вода вспучилась и на поверхности показалась голова, а затем тело Макоа. Он сидел, обняв руками плавник, на спине гигантской акулы!

Макоа поднял голову, заметил меня и что-то закричал, но шум прибоя похитил слова. Затем он поднял руку и помахал на прощание. Акулий Бог, между тем, уносил Макоа на своей спине всё дальше от берега.

– Оахо! – только и смог изумлённо выдохнуть я.

– Обернись, Каду! – приказал Тангароа. Как я мог послушаться бога? Я снова повернулся к его ужасному лику. Ветер, бравший начало в туче, на которой парил Тангароа, с силой ударил холодным потоком воздуха по лицу.

– У каждого свой путь, Каду, и ты, человек из будущего. Вас обоих приютило одно тело, ваше сознание временно слилось, но скоро вы начнёте бороться за это тело. Вы начнёте ссориться и рано или поздно умрёте, объятые безумием. Я долго стучался в двери твоего мира, человек из будущего, вызывая тебя в тело Каду. Я стучался бы и дальше, и если бы ты не откликнулся на мой зов, то долго не прожил. Своими действиями я нарушил соглашение между богами, и другие боги не простят мне моей смелости. Но я умираю, Каду, умираю вместе с твоим народом. Что мне ещё оставалось делать? Оахо!

Тангароа на миг замолчал, а потом продолжил, грозно нахмутив брови:

– Вы должны совершить чудо. Оба, в одном теле. А потом вы должны умереть.

От его слов мне стало нехорошо. Я вспомнил свой дом, мать и отца, Дениса и многих других знакомых людей.

– А я? – тихо спросил я полинезийского бога. – Как же я? Я помог, я всё выполнил и хочу вернуться домой.

– Твоего дома больше нет, Оеха, – он попытался произнести моё имя. Наверное, хотел сказать, как и Денис: «Олега», но у него получилось проговорить его на полинезийский манер. – Твой мир закончился. Мы открыли ворота нового мира.

Я почему-то сразу понял всё, что он пытался мне сказать. Просто читал иногда фантастику и фильмы соответствующие попадались. И почувствовал себя очень плохо. Наверное, он имел в виду, что та временная линия, к которой я принадлежал, была свёрнута, и мы сейчас своими действиями в этой точке заново открывали историю человеческого развития. После того, как я проявился во сне Каду, в моей реальности что-то произошло. Не знаю, что, но что-то такое, что кардинально прервало мою временную линию. Может, на Землю внезапно упал огромный метеорит, а может, разразилась ядерная война. Не знаю...

– Оеха и Каду, вы видите меня по-разному, – заметил Тангароа, – для Оеху я кажусь человеком, а для Каду выгляжу, как сверкающая рыба. Это плохо. Вы не сможете жить вместе в одном теле, и поэтому должны умереть. Когда вы умрёте, я смогу дать каждому по новому телу. Я спрячу вас от происков богов и демонов, а когда надо – позову. Но прежде вы должны встретиться с владычицей подземного мира – ужасной богиней Миру. Человек из будущего изменил всё и начинается новая, невиданная эпоха. Пришло время великой битвы, в которой боги будут воевать с богами, люди с людьми и даже люди с богами. Невозможное случилось. В предстоящем сражении вы оба будете нужны мне. А теперь идите, ступайте навстречу славной битве! Прежде чем умереть, вы явите такое чудо, которое заставит людей задуматься и бросить нового бога. Я буду направлять вашу руку, убивая тех, кто совсем потерял веру в старых богов и, нанося лёгкие раны другим, готовым отказаться от заблуждений. Я наделю неуязвимостью ваше тело, но ненадолго, потому что силы мои слабы. А теперь вступите оба на тропу судьбы!

Я послушно повернулся спиной к Тангароа. Сразу стало намного светлее, и я начал спуск по едва заметной тропе. Камни шуршали под моими ногами, а я, рискуя подвернуть ногу, летел вниз, навстречу противникам. Ещё никогда в жизни я не чувствовал себя таким сильным и уверенным в себе. Понимая, что меня ждёт смерть, я радостно бежал ей навстречу.

Скоро тропинка вывела меня из царства камней. Теперь я быстро двигался между двумя стенами, состоящими из листвы и веток. Внезапно зелёный коридор закончился, и я оказался на большом плато, которое было лишено какой либо растительности. В паре сотен метров от меня, возле входа в пещеру, столпились мои бывшие товарищи. Большая толпа, состоящая из сотен воинов, одетых в набёдренные повязки, тревожно гудела. Я знал, о ком они разгова-

ривают. Обо мне и Макоа. Они недовольны, что мы исчезли, и очень хотят найти нас и как следует наказать.

Первым, как ни удивительно, меня заметил хаоле из миссии. С самого начала экспедиции он сопровождал наш отряд, и когда мы ловили кого-либо из островитян, он всегда спрашивал попавших в наши руки мужчин и женщин: согласны ли они признать бога хаоле. Если схваченные отвечали отказом, то священник отдавал их нам, и мы расправлялись с ними, как хотели. Но если человек соглашался принять новую веру, то хаоле крестил его, давал новое имя и отпускал. Когда мы только отправились в поход, многие воины высказали опасение, что хаоле будет обузой в таком трудном предприятии. Однако священник на удивление легко переносил тяготы походной жизни. А тут и меня ещё увидел первым. Интересный человек, этот хаоле!

– Вон он! Смотрите! – закричал хаоле и показал рукой в мою сторону.

А я и не собирался прятаться. Услышав яростные крики, я засмеялся и громко запел песнь смерти. Без всякого страха неторопливо пошёл навстречу объатым гневом воинам, покрытым с ног до головы татуировками. В моём отряде не было ни одного человека, который не носил бы на себе знаки, рассказывающие об его победах в многочисленных схватках. Каждый из них по-настоящему был очень опасен, но опасней всех всегда был я, Каду. Всё моё тело радостно пело, вместе со словами песни, в предчувствии предстоящей драки. Я шёл и пел, но никто не двинулся мне навстречу.

Когда расстояние между нами сократилось до сотни шагов, я остановился и поднял руку:

– Люди Акульего Бога, послушайте меня!

Они боялись меня. Гул голосов затих, и кто-то громко крикнул из задних рядов:

– Где голова Макоа, Каду?

– На плечах Макоа! – ответил я и рассмеялся удачной, на мой взгляд, шутке. Ох, как зашумели мои бывшие друзья! Конечно, я не мог различить, что именно кричал каждый из них, но все они выражали один лишь гнев посредством знакомых мне, очень обидных для воина, слов.

– Тихо! – закричал я, и они мгновенно притихли. Всё-таки моя мана всегда была самой сильной среди всех воинов.

– Я видел Акульего Бога! Я видел его живого! Я видел Тангароа и разговаривал с ним! Покажите мне вашего нового бога?!

Воцарилась мёртвая тишина, совсем, как в местах, где обитают души – маури. Потом кто-то нерешительно крикнул из толпы:

– Ты видел Акульего Бога, Каду? Его никто не видел!

– Да, я видел Акульего Бога! Он огромный! Как остров! И ещё я видел, как Макоа спрыгнул со скалы и сел на спину Акульего Бога! Вы не поймаете Макоа – Акулий Бог унёс его на своей спине! А потом я вживую, как с вами, разговаривал с Тангароа!

– О – о – о!!! – пронёсся удивлённый ветерок по рядам татуированных воинов.

В этот момент долго молчавший хаоле понял, что ситуация выходит из-под его контроля, и громко закричал:

– Дети мои! Каду продал душу нечистому! Дети мои, в Каду вселился демон, и он хочет похитить ваши души!

Несколько наиболее верных хаоле воинов, снабжённые за преданность оружием белых людей, подняли ружья и прицелились в меня. Одновременно прогрехотало несколько выстрелов, а из тех мест, откуда в меня стреляли, в воздух поднялись тёмные облачка от сгоревшего пороха.

С десяток пуль устремились жужжащим роем ко мне. Но они не достигли тела. Натолкнувшись на невидимую преграду, маленькие кусочки металла зависли в нескольких сантиметрах перед моим лицом и грудью. Я с неподдельным интересом рассматривал некоторое время смертоносных пчёл, так близко повисших перед глазами. Когда пули не двигались, то выгля-

дели совершенно безобидно, но я-то знал, что каждая из них могла принести смерть. Осознав собственную неуязвимость, я засмеялся и вытянул руку. Пальцами принялся с силой ударять по зависшим в воздухе кусочкам из металла. Пули, одна за другой, падали к моим ногам, со звоном ударяясь о камни.

– Тангароа! Чудо, это сила Тангароа! Ему помогает Тангароа! – со страхом в голосе закричало несколько человек. Около двадцати воинов, впечатлённые устроенным мною представлением, повернулись и побежали прочь, подальше от места намечавшегося кровопролития.

«Самые умные. Правильно сделали», – мысленно одобрил я поступок беглецов, и смело двинулся навстречу татуированным полинезийцам. Толпа пришла в движение. Одна часть воинов осталась стоять на месте, в то время как другая с боевым кличем бросилась на меня.

Они преодолели разделяющее нас расстояние в одном стремительном броске и обрушились на меня со всеми своими копьями и боевыми палицами. Однако я быстро разочаровал своих врагов. Дубинки при ударах отскакивали от моей головы, словно от крепкого камня, зачастую ломаясь. Наконечники копий тоже не причиняли мне никакого вреда, скользя по коже, словно она была покрыта непробиваемой шкурой Злых Рыб. Понимая, что неуязвим, я начал жестоко наказывать своих врагов. Я нагибался и вставал, приседал и подпрыгивал, уклонялся то влево, то вправо, не забывая, впрочем, наносить удары боевой палицей. Тангароа направлял мои удары и делал их на редкость сильными. От каждого моего выпада трещала чья-то кость, чужая кровь дождём омывала моё тело, но я не останавливался. Я медленно шёл сквозь толпу врагов, оставляя за собой кровавую дорожку. Десятки поверженных противников остались у меня за спиной, а я продолжал упорно продвигаться вперёд. С каждым упавшим врагом возрастала моя мана и моя слава. Я понимал, что внезапно оказался эпической фигурой. Сотни лет подряд, сидя у костров, из поколения в поколение, матери будут рассказывать об этой битве своим детям, чтобы те, в свою очередь, поведали историю Каду уже своим детям. И так увиденное всеми чудо будет жить до тех пор, пока будет дышать хоть один представитель моего народа.

Меня удивило то, что я совершенно не уставал. Я действовал с невероятной скоростью и быстротой, но всё равно не ощущал никакой усталости. Может, потому что у меня была цель – миссионер-хаоле. Сначала он пытался вдохновить на борьбу самых смелых, но когда я приблизился к нему, он с криком побежал прочь. Я не мог его догнать, потому что среди моего народа всегда хватало храбрецов. Многие воины, отталкивая друг друга, атаковали меня со всех сторон, желая убить и получить фантастической силы мана, жизненную силу человека, способного сотворить чудо.

Когда я поразил более сотни врагов, наваждение внезапно исчезло. Моя неуязвимость, никак не предупредив меня, ушла куда-то. Внезапно одно копьё, причинив мне сильную боль, вошло мне в бок. Я обломил торчащее из тела древко, и вдруг понял, что стою на самом пороге страны мёртвых По. Хозяйка загробного мира Миру наверняка засмеялась, увидев копьё в моём боку, и начала раздувать огонь в печи, где она готовила себе лакомства из умерших людей. Ох, Миру! Больше не будет Каду петь песни и есть пищу людей. Нгаро, еда мёртвых, отныне будет моим делом.

Я закричал от наполнившей меня ярости и успел нанести несколько хороших ударов прежде, чем на меня одновременно, с нескольких сторон, обрушились удары копий и палиц.

Я успел лишь подумать:

«Больно...

Разве во сне может быть так больно?!!»

И тут же умер.

Глава 3

Немного покопавшись в системе безопасности входных дверей, участковый нашёл в памяти маленького электронного мозга нужную комбинацию и открыл двери. С тихим шипением две массивные матовые половинки разъехались, пропуская гостей внутрь скромной пятикомнатной квартиры.

Участковый, Игорь Петрович Васильев, высокий мужчина среднего возраста, начавший заметно полнеть, обернулся к стоящей позади довольно бодрой маленькой старушке, которая вызвала полицию, обеспокоенная услышанным ночью из соседней квартиры шумом.

– Ну, что, Клавдия Егоровна, пройдемте-с, – участковый, облаченный в недавно введенную униформу, решительно шагнул в широкий коридор. Двери квартиры соседки были распахнуты, и из соседнего помещения доносился хорошо различимый голос диктора, зачитывавшего последние новости:

– Россия запустила на Марсе третий жилой купол... Островная Федерация и Россия в экстренном порядке закрывают свои границы для беженцев из Европы и Африки... Северные Штаты Америки и Британская Канада обратились в Лигу Наций, с просьбой о срочной гуманитарной помощи ввиду катастрофического положения...

– Вечно от этой Америки одни неприятности, – заворчал недовольно участковый, и в этот момент увидел лежащее на полу тело молодого человека.

– Ох! – негромко выдохнула воздух сердобольная старушка.

Неприятная тяжесть появилась у Игоря Петровича в районе груди. В последнее время убийства даже в таком большом городе случались крайне редко, и подобный инцидент мог запросто испортить всю дальнейшую карьеру полицейского. За большим окном проносились летающие такси – вертолеты, но участковый, не отвлекаясь, профессиональным взглядом пытался найти первые зацепки для будущего расследования.

Молодой человек лежал на спине, широко раскинув руки. На нём почти не было никакой одежды, кроме трусов. Под телом образовалась большая лужа крови, залившая далеко не маленький участок светящегося пола. В бок трупа и в грудь, в два места, убийцы воткнули странные палки, выкрашенные яркими цветами и разукрашенные искусной резьбой. Эти предметы, находящиеся в теле убитого, удивительно напоминали старинные копья из этнографического музея.

– Вы узнаете этого человека? – начал опрос участковый.

– Да, конечно. Это мой сосед. Фамилии не помню, но имя – Олег. Хороший парень. Кто же его так... Совсем как в фильмах...

– Выясним, не волнуйтесь! Служба у нас такая.

– Смотрите, а ведь он улыбается, – очень тихо сказала Клавдия Егоровна.

Участковый ещё раз посмотрел на висевший на стене календарь. «Пятнадцатое октября две тысячи пятнадцатого года, неудачный день», – тяжело вздохнул про себя Игорь Петрович и перевёл взгляд на лежащий труп. Действительно, на лицо мертвеца словно кто-то наклеил довольную и счастливую улыбку.

Будучи мёртвым, Олег улыбался. Он улыбался, потому что узнал перед смертью, что иногда миры сближаются. Он улыбался, потому что видел перед смертью Акульего Бога и разговаривал с Тангароа...

Глава 4

Я не раз слышал или, быть может, читал, что сознание, если его потеряешь, имеет тенденцию возвращаться долго и мучительно. В моём случае всё было совсем по-другому. Вроде как секунду назад я очень сильно испугался, потом испытал нестерпимую боль и провалился во тьму. А спустя другую секунду ощутил себя живым и здоровым человеком. Я, первым делом удивился, что у меня ничего не болит, а затем понял, что лежу на спине. Сразу в голове возник вопрос: а где я нахожусь? У себя дома, в кровати, или возле пещеры, в окружении каннибалов и охотников за головами?

Я спокойно лежал на спине, и невольно ко мне пришла мысль, что очень хорошо вот так вот просто лежать. И что мне нравится, когда меня никто не трогает и никто не причиняет боль.

Для того, чтобы меня больше не били копьями и дубинками, я решил подольше не шевелиться. Решив, что достаточно хорошо изобразил мёртвого человека, я, немного схитрив, чуть-чуть приоткрыл левый глаз. К моему большому облегчению, никаких татуированных полинезийцев рядом не оказалось. Я лежал на какой-то возвышенности или большом камне в центре просторной пещеры. Откуда-то в пещеру проникал свет, довольно хорошо освещая созданное природой помещение, лишь в самых далёких углах позволяя собраться густой темноте. Неподдалёку, на высоком каменном ложе, расписанном зловещими и непонятными узорами, я заметил ещё одно тело. Тело принадлежало, к моему огорчению, полинезийцу. Я сразу понял это, увидев многочисленные татуировки на коже.

«Вот блин!» Я закрыл левый глаз и тихо, но разочарованно выдохнул из себя воздух. Значит, по-прежнему торчу в том жутком сне или... в той опасной иной реальности.

Я лежал, пытаюсь размышлять. Где я оказался? В полинезийском морге? Или в каком-то храме? И что происходит? Может, за мной сейчас наблюдают? Может, я должен пройти какое-то испытание, чтобы проснуться и вернуться домой? В таком случае лучше не двигаться, продолжая притворяться мёртвым, и ждать дальнейшего развития событий.

Внезапно я понял, что правильно поступил, создав иллюзию мёртвого тела. Вдруг каждой клеткой кожи почувствовал недобрый взгляд, который холодно изучал моё тело. Не в силах больше сдерживаться, я немного приоткрыл глаза и из-под полуопущенных век заметил, как в дальней, тёмной части пещеры, началась какая-то возня. Спустя несколько мгновений из темноты вынырнули две пугающие фигуры и направились ко мне.

Испуганный внутренний голос прошептал, что подобные создания не могут существовать, а если где-то и обитают, то я не должен их видеть. Но я почему-то хорошо разглядел пришельцев.

Высокие, почти прозрачные фигуры, плыли по воздуху в мою сторону. Человекообразное тело покрывала чешуя, а на плечи кто-то поместил собачьи головы. Один собакоголовый указал второму лапой на меня, а сам нагнулся над лежащим на каменной кровати человеком. Он совершил несколько быстрых движений лапами, и вдруг я увидел, как от полинезийца, к склонившемуся над ним существу, начало подниматься нечто светлое и объёмное, вытягиваемое непонятной магией из неподвижного тела. Что это было? Душа, астральное тело, жизненная сила? Откуда я мог знать такие подробности! Порядочно напуганный, я понял только одно, что пришло время действовать. К тому же, второй пришелец нагнулся надо мной.

Я не понимаю, как это у меня получилось, но я каким-то внутренним зрением увидел, что из моего тела начала высовываться третья, светящаяся, рука. Рука точно принадлежала мне, я легко принял этот необычный факт, благодаря сопутствовавшим её появлению внутренним ощущениям. И всё равно происходящее казалось странным и на редкость нереальным. Третья рука? Откуда она взялась? Вот они, обе мои привычные конечности, вытянуты вдоль тела со сжатыми кулаками. А вот третья рука и она тоже подчиняется приказам моего мозга!

Привыкая к вновь образованной, невидимой для глаз конечности-фантому, я сжал и разжал пальцы своего нового приобретения. Простое действие наполнило меня непередаваемым ощущением внутренней силы и вернуло уверенность в себе. Повинуясь скорее интуиции, чем разуму, я немного размахнулся фантомной рукой и с силой всадил её в грудь склонившегося надо мной существа. Рука легко и глубоко вошла внутрь чужого тела. Пальцами я нащупал внутренности, но мне попались вначале совсем не те, которые хотел найти. Я продвинул руку немного глубже и начал ладонью раздвигать не интересные для меня органы. Собакоголовый наклонился ещё ниже, его руки безвольно повисли, а глаза, казалось, вылезли из орбит от невыносимой боли.

Не обращая внимания на перекошенную от ужаса собачью морду, я погружал свой фантом всё глубже и глубже. Копаться в содержимом чужого тела оказалось не очень-то и приятно. Мне постоянно попадалось что-то мерзкое и скользкое, но я, не обращая внимания на неприятные ощущения, продолжал искать нужный мне орган, пока не нашёл его. Едва ощутив в ладони бьющийся комок, трепетный, как любое другое сердце, я с силой сжал его. Сжал так, что мгновенно раздавил мягкую плоть.

Существо тяжело повалилось на пол.

Другой собакоголовый, по-прежнему манипулирующий лапами над лежащим человеком, немедленно повернул на шум уродливую голову. Я прекрасно видел паранормальным зрением его реакцию. Наверное, он сразу увидел лишнюю часть моего тела. Моя придаточная рука привела существо в состоянии ступора. Некоторое время он с заметным страхом смотрел на мою новую руку и на лежащее у ложа тело своего собрата. Мне скоро надоел этот молчаливый цирк, и я пошевелил пальцами руки-фантома. В ответ на мои действия собакоголовый, придя в себя, испуганно отпрыгнул подальше от моего ложа. А затем метнулся в дальний угол пещеры и растворился в темноте, словно его и не было.

Я втянул призрачный придаток внутрь своего тела и открыл глаза. Сердце бешено стучало в грудной клетке, просясь наружу, но я, к своему удивлению, силой мысли смог перевести бешенный темп в обычный ритм работы. Стоило мне подумать о том, что, мол, хватит тебе, пора уняться и сердце послушалось приказа. Я моментально успокоился, отметив ещё одну приобретённую способность, а потом рывком сел на каменном ложе. Мои ноги свесились и повисли, согнувшись в коленях, не доставая до земли. Я посмотрел на колени и чуть не вскрикнул от удивления. Во-первых, почему-то голые ноги имели совсем другой цвет, чем тот, к которому я привык. Они были... какого-то грязно – шоколадного цвета. К тому же явно незнакомые конечности покрывало множество разнообразных знаков. Нет, нет, это не мои ноги, это ноги какого-то полинезийского туземца!

Холодный ветер свежей волной коснулся моего лица, и я, по-прежнему, пребывая в полном недоумении, поднял голову. Прямо передо мной, в воздухе, висел Тангароа. На этот раз он завис над каменным полом пещеры, просто подогнув под себя ноги, как индийский йог, без всякой помощи облаков. Он смотрел не на меня, а на распростёртое на полу тело собакоголового. При виде мёртвого создания, его и без того суровое лицо приняло просто угрожающее выражение. Далеко не светлая кожа, казалось, потемнела ещё больше. В конце концов, он поднял на меня наполненный гневом взгляд, а потом перевёл его на неподвижное тело лежащего на соседнем каменном ложе полинезийца.

– Ароа, Оеха! – голос полинезийского бога был подобен грому. Он оглушал. Тангароа, разве ты не можешь себя контролировать?

– Ароа, Тангороа! – поздоровался я с ним, как с опасным, но всё же старым знакомым.

– Я вижу, к тебе заходили гости?

– Были какие-то... Только непонятно, как я с ними справился...

– Плохо дело, Оеха! Собачья голова, тело покрытое чешуёй – перед тобой лежит мёртвым демон – копувай. Копувай служат Миру, богине страны мёртвых, и очень редко покидают

загробный мир. Неужели Миру встала на сторону наших врагов? Я выясню это! Оеха, тебе удалось убить копувай, значит, я старался не зря! Я наделил тебя новым телом, как и обещал. Я взял его на одном из островов, где сейчас разбросано много тел без хозяев. Вхиро, бог мёртвых, отдал мне его, а раньше оно принадлежало знатному и сильному воину. Видишь, на твоём теле больше десятка изображений человека, сидящего с подогнутыми ногами и поднятыми вверх руками? Поклоняющиеся мне люди подобными знаками обозначают на своей коже количество побед над врагами. Сколько у тебя таких знаков, столько убил противников прежний хозяин этого тела. Больше десяти!

– Спасибо, Тангароа! Спасибо за новое тело. Теперь мне кое-что стало понятно. Но когда пришли ко... ка... пёсеголовые, со мной произошло нечто странное...

– Так и должно было быть, Оеха! Привыкай. Вместе с телом я подарил тебе некоторые способности, недоступные обычным людям. Отныне ты можешь видеть призраков, демонов, подобных копувай, и даже богов! По отношению к низшим небесным жителям, я дал тебе возможность защищаться и наделил не предназначенной для людей неуязвимостью. В тебе появилась сила, неизвестная твоему роду, но я просто обязан предупредить. Ты можешь победить призраков и демонов, оружие хаоле бессильно, но ты никогда не сможешь победить самого слабого из богов! Даже не пытайся! Боги, запомни раз и навсегда, не принадлежат к расе людей! А оружие богов, вообще, недоступно вашему пониманию!

Ах, вот оно что! Понемногу всё встаёт на свои места. Ну, спасибо, от всего сердца! Мало того, что полинезийский бог выполнил обещание, снабдив меня новым телом, он вдобавок, в некотором смысле, сделал из меня сверхчеловека. Вот спасибо, Тангароа!

– А Каду? – вспомнил я о человеке, частью которого был совсем недавно.

– Кто может меня упрекнуть? Я всё сделал, как обещал, – Тангароа кивком головы указал на лежащее на соседнем ложе тело, – вон он, Каду, рядом с тобой. Копувай хорошо поработали над ним, и я не могу обещать тебе, что верну его к жизни. Я хотел снабдить тебя могучим помощником, но теперь тебе ничего не остаётся, как действовать одному.

Тангароа замолчал, наверное, для того, чтобы я подумал над тем, что он сказал.

– Я думал, что хорошо вас спрятал в своём мире, но кто-то из непосвящённых смог найти сюда путь. Не будет у тебя помощника, ты один пойдёшь к народу Акульего Бога. Но у нас с тобой всегда будет существовать тесная связь. Стоит тебе мысленно сосредоточиться на моём образе и позвать меня: «Тангароа!» и я сразу же появлюсь перед тобой.

– Ты отправляешь меня к акульным людям? А Макоа жив?

– Пока жив, но дела у него идут неважно и ты должен опять помочь ему.

– Что, так всё серьёзно?

– Да, и у людей, и у богов. Недавно, – продолжал своим грохочущим голосом полинезийский бог, – Авха, бог шторма, поведал мне печальную историю о самом северном острове. Хаоле появились на том острове раньше, чем на других, и все, кто ещё остался там жив, вольно или нет, приняли веру белых людей. Местные боги сразу стали слабыми, а недавно к ним нагрянули странные летающие создания с крыльями за спиной, в длинной одежде, подобной плащам хаоле. Одежда эта вся белая, вокруг голов у них светящийся круг, а в руках они держат мечи, состоящие из света.

Я вдруг понял, о ком мне пытается рассказать Тангароа и кивнул головой:

– Да, я знаю этих существ. У нас их зовут ангелами или архангелами, или серафимами. Я не силен в теологии, но точно могу сказать, что это слуги и посланники бога хаоле.

– Мы поняли всё и без тебя, Оеха! Посланцы бога белых людей промчались по острову, как смерч, уничтожая всех, кто им попадался. Погибли и призраки, и боги, и демоны. Лишь несколькими маленьким туреху, светлокожим феям, удалось убежать, и их приютил Авха. От них бог шторма узнал о побоище и передал предупреждение другим богам. Оахо!

Мы помолчали. Я понял, что по-своему Тангароа напуган и пытается сделать всё, чтобы избежать подобной участи.

– Такая доля ожидает всех старых богов. Резня повторится везде, рано или поздно, – я, наконец, решился и прервал затянувшееся молчание.

– Я знаю, – ответил грозно Тангароа, – поэтому ты здесь!

Опять образовалась довольно продолжительная пауза. Каждый из нас думал о своём. Кто я? В свои двадцать шесть лет часто смотрю телевизор, а всё оставшееся свободное время трачу за компьютером или в кругу друзей и подруг. Если говорить честно, то подобное времяпровождение ничему особенному, на что мог бы надеяться Тангароа, меня не научило. Я, надо признать, пустой продукт современной цивилизации. Я вроде знаю всё, а на самом деле не знаю и не умею ничего. Я очень много знаю о породах собак, о ценах на нефть на мировых рынках, могу наизусть пересказать последнюю часть «Пиратов Карибского моря» или подсказать, какой пароль нужен для прохождения того или иного уровня в практически любой новой компьютерной игре.

С грузом таких знаний я совершенно не подхожу на роль спасителя мира и защитника богов! Для подобной миссии нужен кто-то другой. Типа тех людей, что спаслись у Жюль Верна на воздушном шаре и попали на таинственный остров. Или подобные тем ушлым ребятам, которые у Марка Твена попали в прошлое, к королю Артуру, и заставили весь мир крутиться вокруг своих желаний. Спасибо, что хоть эти книги отец заставил меня через «не хочу» прочитать в детстве. По сравнению со всеми этими литературными героями я ноль без палочки. Я не смогу своими руками сделать оружие, которое будет лучше оружия хаоле. Я совершенно не знаю историю и поэтому даже близко не представляю, что сейчас творится в этой эпохе. Где можно найти друзей, а где наткнуться на врагов. Всё, что я наговорил Макоа в пещере, было лишь пересказом слов Дениса. Как не крути, а Тангароа зацепил в будущем не того парня, хотя сейчас все мы такие, и я далеко не худший вариант. Единственный большой плюс заключался в том, что я всю жизнь занимался спортом, ходил на каратэ много лет, зарабатывая всевозможные кю и даны. Опять же, и от армии не «откосил», да ещё два года контракта прихватил.

Но всё равно, я совсем не тот, кто нужен тебе, Тангароа! Ты ошибся в нас, людях будущего, наверное, предполагая, что мы так же, как в твоё время, прогрессируем в умственном развитии! Нет, мы слабые, капризные, развращённые, изнеженные и ничем не интересующиеся продукты современной мне цивилизации!

Внезапно я вспомнил своего приятеля Дениса. Мысли, наполненные самобичеванием, тут же улетели прочь, а меня словно ударило молнией от посетившей идеи:

– Тангароа!!

Почувствовав волнение в моём голосе, полинезийский бог подлетел поближе:

– Да, Оеха?

– Тангароа, люди будущего тоже делятся на воинов и жрецов, – начал я заходить изда- лека, принявшись нагло врать полинезийскому богу. Не могу же я прямо сказать, что большинство жителей будущего – пустые потребители, ни на что не способные и ни на что не годные. С другой стороны, если он бог, может ли он видеть будущее или находиться одновременно в разных местах? Или существуют и для созданий его уровня какие-то ограничения? Конечно, существуют, иначе он меня не позвал бы в своё время! Тем не менее, пускаясь на хитрость, я, конечно, рисковал быть разоблачённым.

– И что ты хочешь сказать?

– В моём времени я знал одного могущественного жреца.

– Жреца? – вокруг головы Тангароа моментально образовалась небольшая, но очень тём- ная туча, в которой пару раз сверкнули молнии. – Ты забыл мне сказать, какого бога он жрец? Жрец бога хаоле?

– Нет, нет, он скорее мастер!

– Мастер?

– Мы называем так уважительно тех, кто может своими руками делать удивительные вещи. Он жрец-мастер и он не молится богам, а поклоняется предметам и идеям.

– Человек без бога?! Странное явление! Я слышал, что такие странные существа встречаются среди хаоле. Впрочем, продолжай!

– Увидев Тангароа, он забудет о своих заблуждениях и станет самым верным последователем могущественного бога! – я поспешил подсластить горькую пилюлю. – Но самое главное, что он сможет изготовить вещи и новое оружие, которое поможет победить хаоле! – Да, именно Денис, а не кто-либо другой, нужен здесь и сейчас, со всеми своими знаниями. Он, мой странный приятель, белая ворона, уткнувшийся в книжки, а не шатающийся по клубам и не просиживающий всё свободное время за «компишом», оказался единственным из всех моих знакомых, способным что-то изменить. Я не обманул – Денис поклонялся особенным богам. Это были книги, это было знание в чистом виде. Удивительно, но почти вымерший тип человека чем-то интересующегося, а не приколиста и выживальщика, оказался сейчас так необходим мне.

– Значит, у него нет своих богов? Странное явление! – начал успокаиваться Тангароа. Туча над его головой посветлела и в ней больше не сверкали молнии.

– Нам нужно перенести его сюда.

– Но твой мир умер, Оеха! К тому же задолго до того, как он умер, твой народ сам убил своих богов, и ваш бог тот, с кем я начал войну.

Ого! Уже опасно! Он много знает, нужно взвешивать каждое слово.

– Может, можно что-либо придумать?

– Можно, конечно, – Тангароа задумался. – Есть могущественные северные боги, которые хотят вернуть старые времена. Оахо! Но мы не можем никого и ничего забрать из твоего мира до того момента по вашему времени, когда ты появился на земле Акульего Бога! Иначе мироздание рухнет!

– Так мой мир погиб не сразу? – замерев, спросил я, боясь услышать ответ.

– Нет... Он некоторое время ещё жил. Это был мир без богов. Боги сразу покинули его, а немного позже умерли все люди... Я не могу заглядывать в обречённые миры, но... А ты умён, Оеха! Я понял, на что ты намекаешь! Ты не представляешь, как опасен поход в обречённый мир! В таких местах люди не придерживаются законов, и боги не поддерживают порядок. Страшные, проклятые миры, где оживают существа, которые намного ужасней самых невероятных кошмаров... Они приходят, чтобы... Даже боги не могут обо всём говорить... Хватит слов! Встань! Лучше закрой глаза и приготовься помочь Макоа!

Я покорно сделал всё, как приказал мне Тангароа. Встал с каменного ложа и закрыл глаза. Тангароа, зачем-то, несильно толкнул меня в спину, и я сделал непроизвольно один шаг. Тут же к лицу прикоснулся свежий ветер, наполненный различными запахами. Ох, что это были за запахи! Совершенно мне незнакомые, приятные и волнующие! От близкого присутствия моря у меня закружилась голова. Подобный натюрморт ароматов мог родить только огромный массив солёной воды, без всяких искусственных и технических примесей. К запаху океана, в точно отмеренной пропорции, был добавлен непередаваемый аромат неизвестных мне цветов или растений.

Следом за органами осязания дал о себе знать и слух. Я услышал шум ветра, зов волн далёкого океана, шелест трав и странные крики незнакомых птиц.

– Можно открыть глаза, Тангароа? – спросил я полинезийского бога, но не получил никакого ответа. Выждав некоторое время, я, достаточно осмелев, приоткрыл один глаз. Мои глаза и слух не обманули меня. Очень мягко и незаметно Тангароа переместил меня из своего мира на знакомый остров.

Я стоял на почти незаметной в траве тропе, и со всех сторон меня окружали тропические джунгли. Непривычные деревья не походили на наши русские берёзы и сосны. Деревья, оплётённые ползучими растениями и лианами, образовывали настоящий зелёный ад, а может рай, не дающий нигде отдыха глазам.

Пара весёлых зелёных попугайчиков пролетела так близко от моего лица, что я невольно отшатнулся. Увернувшись от пернатых, едва не поцеловался с крупной зеленовато-коричневой ящерицей, которая повисла на одной из ближайших веток. Выпучив сегментные глаза, холоднокровное создание немигающим взглядом наблюдало за мной. Наверное, захотев поближе интимно познакомиться, ящерица высунула длинный и тонкий язык. Не горя желанием перевести наше короткое знакомство в более длительные отношения, я, в свою очередь, показал ей свой.

Не знаю, как кто, а я человек впечатлительный. Попав в такой природный сад, я невольно превратился в беззаботного туриста. Я забыл, в каком времени нахожусь, и какие опасности мне угрожают... Медленно побрёл по едва заметной тропе, постоянно оглядываясь, чтобы получше рассмотреть каждое природное чудо, которое попадалось на моём пути. А посмотреть было на что! В своей недолгой жизни я посетил пару раз алтайские горы, побывал в нескольких российских городах, да съездил по «горящим» путёвкам в Турцию и Египет. Но нигде я не видел таких красок, нигде так откровенно жизнь не смеялась над смертью! Эта жизнь громоздилась и проникала в каждый сантиметр, в каждый атом окружающего меня мира, заставляя забыть обо всём. Даже о собственной безопасности.

Двое покрытых с ног до головы татуировками туземцев выросли передо мной совершенно неожиданно, как будто выпрыгнули из-под земли. Они угрожающе направили мне в грудь каменные наконечники копий, которые держали в руках. Выглядели полинезийцы, как и подобает охотникам за головами – как очень свирепые и решительные убийцы. Кроме татуировки, они измазали лица и короткие бороды чёрной и красной краской, что сделало их внешность ещё более зловещей. Голые тела ничто не прикрывало, кроме пучка травы, который прятал от посторонних глаз самое интересное для женщин место.

Шуршание травы и камушков за спиной подсказало мне, что я умело окружён со всех сторон, и любое резкое движение может рассматриваться, как враждебное.

Один из стоящих впереди воинов сделал ложный выпад копьём. Каменный наконечник почти коснулся моей груди, но полинезиец вовремя вернул копьё обратно. Я не шевельнулся.

– Ароа! – вежливо поздоровался я с туземцами.

– Кто ты? – грозно спросил хриплым голосом воин, недавно пытавшийся напугать меня своим копьём. Удивительно! Я понял всё, что он сказал! Я знал язык полинезийцев и мог разговаривать на нём! Здесь либо Тангароа постарался и закачал в меня столь нужную информацию, либо я механически воспользовался какими-то остаточными знаниями того мёртвого тела, в которое втиснул моё сознание полинезийский бог.

– Я ишу Макоа! – поспешил сказать я в ответ, а сам тут же подумал, что ляпнул что-то не то. А если передо мной воины Акульего Братства, помощники отцов-хаоле из миссии?

– А зачем тебе Макоа? – услышал я за своей спиной знакомый мне голос.

– Зачем? – несмотря на направленные на меня копыя, я усмехнулся, довольный тем, что попал именно туда, куда хотел попасть. Как же я рад слышать тебя, старик! – А чтобы немного вспомнить прошлое. Помнишь тёмную пещеру, Макоа? Помнишь, как один воин пришёл за твоей жизнью, но не стал никого убивать, а сел на камень в темноте и рассказал много чудесных историй.

– Каду?! – Макоа бесшумно возник передо мной, но увидев меня, отшатнулся. – Нет, ты не Каду! Кто ты?

Ох, как всем интересно знать, кто же я такой!

– Я тот, кто был в той пещере в теле Каду! Но я не демон и не дух. Тангароа поместил меня в тело Каду, а потом дал новое тело, чтобы я смог помочь народу Акульего Бога!

Правильная постановка разговора сразу дала о себе знать. Одно дело встретить на тропинке одинокого путника, а совсем другое знать, что этот путник ни кто иной, как посланец богов. Полинезийцы испуганно зашептались, опустив наконечники копий:

– Тангароа...

– Посланник великого Тангароа...

– Как зовут тебя, посланник богов? – теперь уже очень уважительно спросил меня Макоа.

– Оеха! – я, признаюсь, начал привыкать к такому исковерканному варианту моего настоящего имени.

– Ароа, Оеха! А что случилось с Каду?

– Ароа, Макоа! Каду гостит у Миру. Скажи мне, а что произошло с тобой после того, как ты очутился на спине Акульего Бога?

– Оеха, – обрадовался Макоа, – значит это действительно ты? Тот, который стоял вместе со мной на скале, и с кем мы разговаривали с Тангароа! Моя история ничто по сравнению с твоей! Ты остался наедине с великим богом! Я никогда не слышал ни о чём подобном! Это ты должен мне поведать о своих приключениях. Что, что было потом?

– Я умер...

Сразу воцарилось гробовое молчание. Вероятно, мой статус моментально вырос ещё больше. Посланец богов, человек, который умер, а потом ожил... Да, встретившись с таким типом, пару дней назад вздрогнул бы и я, а не то, что стоящие передо мной дети природы.

– Но ты же жив, Оеха, – робко сказал один из воинов.

– Тангароа дал мне новое тело, – я решил нагнать ещё больше жути, – и оживил его. Он долго разговаривал со мной и послал на вашу землю, чтобы мы вместе смогли остановить хаос.

– Оахо! – воскликнули почти одновременно все, кто меня слушал. В хоре голосов я услышал лишь почтительность и изумление. Вот так вот! Не останавливайся, говори, говори, Оеха, и скоро при помощи одних слов ты станешь живой легендой этого мира!

– Так что же произошло с тобой, Макоа, когда ты оказался на спине Акульего Бога? – довольно требовательно снова спросил я.

– Потом? Потом... Сначала я упал в бурлящую пучину и сильно ударился о волны. Я провалился глубоко под воду и потерял сознание. Весь мир умер для меня, но я сам не успел умереть. Кто-то сильно ударил меня в бок, и я пришёл в себя. Я открыл глаза и увидел возле себя маленькую Злую Рыбу. Это она ударила меня своим носом в бок и привела в чувство. Я попытался плыть вверх, навстречу едва видимому свету. Но у меня уже не было сил! Воздух пузырями вышел из меня, а вода заняла его место в моих лёгких. Оахо! Я вдохнул в себя воду и опять встал на тропу смерти!

Да, старик был непревзойдённым рассказчиком. Я, как и его воины, замерев от волнения, слушал историю спасения Макоа.

– И тут мне опять, уже третий раз за мою жизнь, помог Акулий Бог. Он не дал мне умереть. Я словно внезапно оказался на большом острове, который поднимал, поднимал меня всё выше и выше, прямо к спасительному свету! Моя голова оказалась на поверхности, и Акулий Бог загрохотал, как гром: «Рано умирать, Макоа!» «Ароа, Акулий Бог, спасибо тебе!» Я поднял голову и увидел тебя, стоящего высоко вверху, на скале. Прокашлявшись и выплюнув солёную воду, я поднял одну свою руку, помахал тебе и закричал: «Каду! Мы ещё встретимся!».

Улыбнувшись, я кивнул головой:

– Я видел, как ты машешь мне рукой, но из-за шума прибоя не смог ничего услышать.

– Акулий Бог понёс меня на своей спине с огромной скоростью, как маленькую букашку. Он запел. Как он запел! И что это была за песня! Волшебная, красивая! Я не удержался, засмеялся и стал подпевать Акульему Богу. Оахо!

Он перевёл дух, замолчав на несколько секунд. Я не заметил, как с моих губ слетел вопрос:

– А дальше?

– Дальше? Дальше я всё расскажу тебе по дороге. Нам нельзя оставаться здесь, Оеха! Мы очень рискуем, Акулье Братство и хаоле могут появиться в любой момент.

– Хорошо, Макоа, пойдём, – я полностью доверял пожилому полинезийцу. Если он говорит, что нужно отсюда делать ноги, значит, на самом деле здесь оставаться опасно. Вообще, Макоа всё больше и больше нравился мне. В любом обществе такой человек, с ярко выраженной природной харизмой, умом и предприимчивостью, проявил бы себя, смог многого добиться в жизни и всюду стал бы лидером.

Совершенно бесшумно из-за моей спины появился ещё один воин. Едва взглянув на него, я сразу отшатнулся. Толстый слой краски не мог скрыть провалившийся нос и ужасные язвы, покрывавшие лицо. Проказа или сифилис практически съели всё мясо и кожу лица, превратив лицо полинезийца в кошмарную маску. Кроме того, от больного исходил такой неприятный запах, что меня едва не стошнило. Скорее всего, таким подарком полинезийца, пусть и косвенно, наградили белые пришельцы. Да, соплеменникам Макоа было за что ненавидеть хаоле.

Весь наш маленький отряд, состоящий из меня, Макоа, Сифа, как я прозвал больного сифилисом человека, и ещё двух воинов, вытянулся в цепочку и начал движение по известным только этим людям тропам. Макоа уверенно вёл нас в лагерь последователей старых богов. Не оборачиваясь ко мне, а я шёл следующим за знакомым мне полинезийцем, Макоа продолжал рассказывать историю своих походов. Я не обращал внимания на окружавшее нас царство зелени, до такой степени меня захватило в свои сети бесхитрое повествование этого человека.

А Макоа, зная, что я внимательно слушаю его, всё говорил и говорил... После того, как Акулий Бог доставил его на берег, в одну из самых удалённых от миссии хаоле бухт, он первым делом нашёл безопасное место среди гор, где устроил временный лагерь. Все подступы и тропинки полинезиец наспиговал за несколько дней многочисленными смертоносными и разнообразными ловушками. Закончив дела, связанные с укрытием, Макоа, понимая всю опасность своего положения, предпринял первые вылазки в населённые места. Отдавая себе отчёт в том, что за ним сейчас охотится пол-острова, полинезиец всё-таки перешёл к другой фазе обговоренного в пещере плана. Уж такой он, Макоа, и я невольно почувствовал гордость, что знаком с этим человеком. Во время третьего выхода предприимчивый старик встретил первого подобного себе изгоя. Беглец, спасая свою жизнь от хаоле, прятался в труднопроходимых местах. Он сразу узнал старого вождя. Так кончилось затворничество Макоа, и он обзавёлся первым верным и надёжным единомышленником. Уже вдвоём, всячески помогая друг другу, они начали более уверенно выглядывать во внешний мир из своего убежища. Постепенно недовольных вокруг Макоа собралось больше двух десятков, и лагерь в горах ожил, наполнившись нашедшими спасительный островок беглецами. Теперь вместе с изгоем жило шестнадцать взрослых мужчин, три женщины и около десятка детей. Кроме того, Макоа установил прочную связь с некоторыми сочувствующими и недовольными, проживающими в поселениях, где хозяйничали хаоле и их приверженцы. Умный старик, таким образом, всюду обзавёлся ушами и глазами, зная всё о намерениях своих противников.

От вновь прибывших Макоа узнал о моей последней битве, но отказывался верить в известия о смерти. Всё это время добрый старик ждал моего возвращения. Видимо, я много значил для него. Мне стало как-то тепло внутри и в тоже время немного... неудобно. Как бы, не подвести...

– О той битве, Оеха, рассказывают настоящие чудеса. Многие ждут твоего возвращения, чтобы взяться за оружие.

– Там было много чудес, Макоа! Но всё, что ты слышал, наверняка, правда. Мне помогал Тангароа!

– Оахо! Я так и подумал, что без Танароа не обошлось! Слава о тебе, Оеха, пронеслась не только по нашему острову, но и по всем соседним островам. Ты уже стал легендой. Многие задумались, а некоторые тайно вернулись к вере в старых богов.

– Тогда почему приходится спешить и прятаться?

– Хаоле! – смачно плюнул на землю Макоа и продолжил вводить меня в курс происходящих на острове событий. Белые пришельцы отреагировали на удивление быстро. Через пару недель после моего боя с Акулым Братством, к острову приблизилась большая лодка хаоле. Макоа не знал, куда отправили сигнал тревоги проповедники из миссии, но, как я подозреваю, они попросили о помощи власти регионального уровня, находящиеся где-то поблизости. Скорее всего, в Индии.

Корабль встал на якорь недалеко от берега, и на маленьких калипоуло хаоле перевезли на берег много странных белых людей. Таких, каких до этого момента Макоа ещё ни разу не видел. Все высадившиеся на берег хаоле были одеты в одинаковую одежду и двигались одновременно, как заколдованные, повинаясь крикам нескольких главных белых чародеев. Я с трудом понял из путаного объяснения Макоа, о ком он хочет мне сказать.

– Понял. Это солдаты. Мы серьёзно напугали хаоле, Макоа.

Полинезиец вопросительно посмотрел на меня, ожидая объяснений моих слов. Но я промолчал. Наступит время – и сам всё поймёт.

Значит, в помощь отцам-проповедникам высадился немалый отряд морской пехоты во главе с офицерами. Вот так кашу мы заварили в прошлом! А Макоа, не замедляя шага, продолжил свой рассказ. Солдаты, соединившись с дружественными туземцами, блокировали горы, в которых прятались люди Макоа, и в ускоренном темпе готовили карательную экспедицию.

Едва Макоа закончил знакомить меня с последними новостями, как наша группа достигла лагеря приверженцев старой веры. Наступил вечер, и большую поляну прекрасно освещали несколько костров. Возле яркого огня хлопотали женщины, готовя детям и мужчинам ужин. В отличие от полностью татуированных полинезийских воинов, у женщин причудливые узоры покрывали только руки, от кистей до локтя. На двух женщинах были надеты полотняные юбочки, а одна довольствовалась маленьким травяным передником. Подобная одежда совершенно не прикрывала выпуклостей женского тела. Тем не менее, я не испытал никакого вожделения при взгляде на полуголых местных красоток. Не знаю, что там Макоа говорил про то, что женщины его народа похожи на цветки, но на меня такие цветочки не произвели ровно никакого впечатления. Увиденные мной местные модели близко не стояли рядом с теми нашими русскими девчонками, с которыми я привык тусоваться по ночам в клубах.

Поняв, что мы дошли, я внезапно почувствовал страшную усталость. Силы словно покинули меня, и я попросил Макоа показать мне место, где можно было бы отоспаться. Полинезиец проводил меня к травяной постели, расположенной прямо под открытым небом, под небольшим навесом, и оставил одного.

Я тяжело сел на мягкую, недавно сорванную траву. За последнее время череда событий менялась с пугающей быстротой. Оказавшись в своём сне, я вначале долго беседовал со старым полинезийцем в тёмной пещере. Потом мы вместе с ним поднимались по каменному колодцу к поверхности земли. Когда мы выбрались из пещеры, я сначала увидел одного древнего бога, а потом вёл беседу с другим. Чуть позже я уже сражался с толпой озлобленных убийц, которые, в конце концов, убили меня. Сразу после того, как я умер, я воскрес в большой пещере неведомого мира, принадлежащего полинезийскому богу. Едва проявившись в мире живых в совер-

шенно незнакомом чужом теле, я был тут же атакован демонами подземного мира. Отразив нападение, я вновь имел честь говорить с местным богом, который поспешил послать меня на новое задание в мир людей. Понятное дело, что я устал.

Тяжело упав спиной на травянистую постель, я, не обращая внимания на довольно откровенные любопытные взгляды соотечественниц Макоа, начал быстро проваливаться в темноту. Погружаясь в вязкую тьму, я успел с надеждой подумать о том, что раньше во снах я вроде никогда не засыпал. А если такого прежде не случалось, то существует отличный шанс, что я проснусь дома, в своей кровати, в родном двадцать первом веке.

Но долго мне поспать не дали. Лагерь ещё не заснул, а ко мне опять проявили интерес.

Вначале я почувствовал, как что-то холодное и скользкое, но в тоже время живое, коснулось моего тела. Змея? Не в силах сразу проснуться и считая всё происходящее продолжением или началом сна, я громко вскрикнул, не раскрывая глаз. Не испытывая ни малейшего испуга от моего невольного крика, кто-то маленький, опираясь на цепкие лапки, взобрался мне на грудь. Как только маленький незнакомец вскарабкался на грудь, очень болезненная пощёчина выбросила моё сознание из объятий спасительного сна. Ого, а удар-то не слабый, как у Тайсона или Кличко! Надо просыпаться!

– Я что... Я... Ничего, – пробормотал я, автоматически стараясь избежать повторного удара, а сам одновременно в ответ сделал мощный выпад рукой в то место, где должно было находиться лицо моего обидчика. Но кулак впустую описал дугу и опять вернулся к телу.

С большим трудом я открыл тяжёлые веки. Напротив моего лица, опёршись задними лапками на мою грудь, стояла некрупная, но очень красивая ящерица. Передней лапкой ящерица придерживала мою голову, а вторую заносила для нового сокрушительного удара. Мне вообще-то и первой пощёчины хватило!

– Стой, стой, подожди! Я в норме!

Ящерица усмехнулась, хотя до этого момента я и представить себе не мог, что эти земноводные могут иметь эмоции.

– Точно? – отчётливо спросила меня противным, но довольно громким голосом ящерица.

– На все сто.

– Что-то ты долго просыпаешься. Ты случайно не хаоле? Ладно, пошутил. Ты Оеха?

Я кивнул утвердительно головой.

– Дай-ка мне свою ладонь, чтобы я смог поближе разглядеть твою мерзкую морду, – вежливо попросила меня странная ящерица. Я поднёс к ящерице ладонь, и она, с кряхтением, взобралась на неё. На полусогнутой руке я поднёс ладонь к своему лицу.

– Вот так-то лучше, – удовлетворённо сказала ящерица. – Я тебе весточку принёс от Тангароа. Он посетил Миру – говорит, она ни при чём, ты должен понять, о чём идёт речь. Мало того, Миру, узнав о нападении, как будто с ума сошла. Вся трясётся от злости, кричит, что кто-то подчинил её копувай, чтобы подставить её.

Странно, но меня не удивляло то, что со мной разговаривает разумная ящерица. Чего только не бывает во сне!

– Кроме Тангароа ещё и Миру просила передать тебе кое-что, – невозмутимо продолжала ящерица, – небольшой отряд хаоле держит путь к Священной горе. Белые люди ни в коем случае не должны ступить своими грязными ногами на эту священную землю! Там есть нечто очень опасное и недоступное пониманию людей, и никто не должен обнаружить тайну Священной горы! Миру сказала, что завтра вам надо продержаться до темноты, вернее, не дать хаоле к ночи достигнуть горы. Вы должны немного задержать движение белых людей, а в темноте Миру всё сделает сама. Она им устроит такое представление, что выжившие позавидуют мёртвым!

– Я всё понял. А кого я должен благодарить за такие хорошие новости?

– Ты не узнал меня?! Глупый смертный! Я – Вхиро, бог – ящерица, бог мёртвых. Я пробуждаю в людях зло, коварство и ненависть, и заставляю вас убивать друг друга. Мой дом – подземный мир, где я повелеваю демонами! Молись, чтобы не попасть ко мне в лапы!

В конце концов, его хвостовство достало меня:

– Что ж мы себя такого страшного в такое тельце-то засунули? А если вдруг кто-то случайно наступит на ваше величество?

– Глупец сломает себе ногу!

– А если я сейчас подниму вторую руку и другой ладонью прихлопну тебя?

Внезапно моя рука стала такой тяжёлой, что упала на грудь. Что-то огромное, как камень, придавило мою грудь и на время остановило дыхание. Голова у Вхиро начала быстро видоизменяться. Она увеличивалась и росла, быстро приобретая змеиную форму, оставаясь в то же время на тщедушном теле ящерицы. В открытой пасти образовались два больших быстрорастущих змеиных клыка. Однако бог мёртвых быстро справился с собой. Его голова скоро уменьшилась до обычных и привычных размеров.

– Не шути так со мной, Оеха! Не гневи богов! Не так давно один могущественный бог проиграл мне в игру хаоле всех жителей одного острова. Ох, уж эта игра хаоле! Как она затягивает! Так вот. Все жители острова, и птицы, и звери, и люди, и насекомые переселились в мои владения. Никто не посмел ослушаться моей воли! Все боятся меня! Всё, глупый Оеха, я пошёл!

– Счастливого пути! Спасибо за добрые вести! – поблагодарил я ещё одного полинезийского бога, с которым мне посчастливилось познакомиться.

– Да пошёл ты, Оеха... Ещё мне попадётся, потом не жалуйся на судьбу и не вой... – недовольно проворчал бог мёртвых, ловко спрыгнул с моей руки и зашелестел где-то в траве и темноте.

Не в состоянии ни о чём размышлять, я просто посмотрел вверх, в красивое небо южного полушария. Панорама звёздного неба с непривычным расположением на редкость ярких звёзд, мгновенно успокоила меня. Я и не заметил, как мои глаза закрылись. Лишь одна мысль успела промелькнуть в моей хмельной от усталости голове:

«Может, всё – таки хватит? Может, пора этому кошмарному сну и закончиться?»

Глава 5

Капитан его величества Георга 4, Джеймс Муррэй, высокий моряк с выдубленной ветрами и солнечными лучами коричневой кожей, отложил в сторону томик Генри Филдинга. Немного подумав, он поднял книгу со стола и поставил её на небольшую книжную полку, рядом с любимым Дефо. Затем подвинул к себе поближе судовой журнал восемнадцатипушечного брига «Сателит». В судовой журнал капитан ежедневно заносил как бытовые подробности плавания, так и из ряда вон выходящие случаи, которые могли бы заинтересовать по возвращению чиновников на берегу.

Прежде чем взяться за перо, Джеймс пролистал страницы журнала. Все листы были заполнены красивым каллиграфическим почерком, который капитан выработал у себя, будучи ещё ребёнком. Первые записи, с помощью массы сухих цифр, рассказывали о подготовке корабля к плаванию. Морские чиновники, в случае возникновения каких-либо вопросов, могли спокойно найти нужное предложение и прочитать, сколько на бриг погрузили бочек воды, фунтов мяса, галлонов вина и бушелей пшеницы. Такая казённая пунктуальность являлась не просто рутинной практикой, подобная педантичность не раз помогала капитанам доказать правомочность приказов, позволяла контролировать расход денежных средств.

Человек, незнакомый с жизнью моряка, слегка разочарованный первым впечатлением, наверное, попытался бы найти интересные и волнующие романтические моменты в описании самого плавания. Но и здесь его ждали бы одни сплошные разочарования. Во время плаваний, обычно, ничего не случалось, а если всё же происходило что-то экстраординарное, то часто не оставалось никого, кто мог бы оставить последнюю запись в журнале. Готовые окончательно нагнать скуку на посторонних читателей, заметки ежедневно указывали на направление и силы буйствующих в океане ветров, на курс корабля, на пройденные мили и на количество потреблённого продовольствия.

Капитан, задумавшись, поднял голову. Моряка всегда притягивает к себе Большая Вода, но стоит только в неё попасть, как неизвестно почему, возникает ностальгия по покинутой твёрдой земле. С выходом корабля в море, начинается постоянное ожидание того волнующего момента, когда судно прибудет в какой-либо большой порт. В таком месте всегда можно спустить за несколько дней честно заработанные многомесячным трудом деньги. Муррэй в этом отношении ничем не отличался от своих подчинённых, и с таким же нетерпением ожидал появления знакомых берегов после трудного плавания. Ожидал, потому что берег предлагал отдых и соблазны, недоступные во время долгого нахождения на борту корабля.

Совсем недавно Джеймс провёл пару месяцев в Лондоне. Не раз встречавший опасности в виде враждебных туземцев, свирепых хищников и ураганных ветров, Муррэй, оказавшись на окраинах столицы империи, сделал для себя вывод, что нет на свете места более опасного, чем трущобы великого города. Множество нищих норовили постоянно обокрасть зазевавшегося прохожего, а с появлением тьмы совсем другие законы вступали в силу в созданных человеческими руками джунглях. Очень опасные хищники в человеческом облики стаями выходили ночью на охоту, и горе было заплутавшему путнику, попавшему им в лапы.

Зато и зрелища окраины Лондона предлагали под стать своей славе – волнующие и захватывающие. Перед тем, как покинуть Англию, Джеймсу удалось посмотреть на казнь преступников перед тюрьмой Ньюгейтс. Он бы прошёл мимо и пропустил интересное представление, но его остановил мальчишка – зазывала в непонятно как державшейся на худом теле изодранной одежде. С лихорадочно горящими глазами он исполнял вокруг прохожих затейливый танец, пытаясь заработать несколько грошей себе на жизнь:

– Сэр, не пропустите! Такого вы никогда не видели и вряд ли где посмотрите что-либо подобное! Нет лучшего вида на место казни, чем в «Пеликане»!

Муррэй послушался мальчишку, и, вместе с довольным маленьким провожатым, добрался к разрекламированному пабу. Действительно, вид на то место, куда должны были вывести приговорённых преступников, открывался на удивление хороший. Ожидая обещанное представление, собралось довольно много народа, и только при помощи мальчишки и увесистого кошелька, Джеймс устроился с определённым комфортом на втором этаже, в отдельной комнате, перед большим открытым окном. За очередной порцией привычного грога Муррэй наблюдал, как несколько преступников повесили один за другим. Большая толпа ревела от восторга, сопровождая каждое последнее движение приговорённых хохотом и шутками...

После Лондона «Сателит» со всей командой направился в Индию. Едва корабль достиг берега, в районе Мадраса, как его сразу окружило несколько туземных лодок с гребцами в одних набёдренных повязках – лангути. Туземцы могли похвастаться прекрасными фигурами и такой тёмной кожей, что, казалось, кто-то специально выкрасил их тела чёрной краской. Глядя на красивые и сильные фигуры местных жителей, Джеймс в очередной раз невольно спросил себя: каким образом сорока тысячам проживающим в Индии англичанам удаётся удерживать в подчинении сорокамиллионный народ?

Сразу следом за Мадрасом наступила очередь посетить Калькутту. Все жилые кварталы делились на белые и чёрные, и Муррэй никогда не видел ни одного другого города красивее, чем европейская часть Калькутты. Поздно вечером уже в темноте, в паланкине к зданию губернатора Джеймса отнесли на своих плечах индусы – носильщики. Перед процессией темноту освещал идущий впереди провожатый с факелом в руке. Носильщики всю дорогу громко кричали, отпугивая бродивших в округе многочисленных тигров. Эти крупные кошачьи, в последнее время, совсем потеряли всякий страх, и нападали на людей среди белого дня, иногда запрыгивая на проплывающие по реке лодки.

Благополучно достигнув дворца губернатора, капитан «Сателита» получил секретное задание: доставить на один из тихоокеанских островов довольно внушительный отряд, состоящий из морских пехотинцев и солдат одного из королевских полков. Муррэю очень многое удивляло в новом поручении. Во-первых, с Джеймсом лично говорил Томас Миддлтон, первый епископ огромной туземной епархии, неустанный борец с идолопоклонничеством на вверенной ему англиканской церковью территории. Оставив слуг – индусов, без которых в колонии не мог обходиться ни один уважающий себя европеец, за дверью, епископ долго беседовал с капитаном по поводу правильности и истинности христианской веры, всё время, ненароком, возвращаясь к важности порученного Муррэю задания. В момент самой беседы в душе Джеймса зашевелились первые нехорошие предчувствия и подозрения, которые ещё более усилились на следующий день, когда он увидел готовые для погрузки на корабль войска, построенные на берегу. Зашептались между собой и матросы, встревоженные не менее капитана. Десант состоял из одних белокожих англосаксов, без каких-либо обычных добавлений туземных частей. Удивило капитана и его команду солидность военного контингента, который должен был высадиться на одиноком, Богом забытом острове. Такого количества белых солдат вполне хватило бы для захвата небольшого индусского княжества. Задачи и средства явно не соответствовали друг другу.

Однако Джеймс, прежде всего, был военным моряком, и поэтому постарался выполнить полученный приказ быстро и без всяких задержек и происшествий. Солдаты в красных мундирах набились в бриг, как сельдь в бочку, но, благодаря жестокой дисциплине, особых хлопот во время плавания команде и капитану не доставляли.

Снова хорошо показал себя любимый командой и капитаном «Сателит». Корабль строился больше трёх лет на верфях Вулвича и представлял собой мощное, красивое и надёжное судно. Джеймсу удалось подобрать неплохую команду для такого великолепного корабля, которая, впрочем, требовала должного надзора, а иногда и довольно крутых мер, чтобы поддерживать соответствующий для военного судна порядок. Вообще, любой капитан делил свою

команду на тех, кого призвало море, и на тех, кто оказался в плавание поневоле. У Муррэя, среди подчинённых, практически не было «мерзавцев»: несчастных, силой захваченных морскими вербовщиками. Практически все матросы на бриге добровольно прошли через вербовочные пункты, получив на руки символический «королевский шиллинг».

Муррэй вновь вернулся к судовому журналу. Одна запись, появившаяся недавно на страницах корабельного дневника, не давала покоя капитану «Сателита». В среду вахтенным матросом были обнаружены на воде остатки кораблекрушения, и вскоре на днище перевёрнутой шлюпки кто – то из команды брига разглядел уцелевшего человека. Выживший пытался привлечь к себе внимание, прося проплывающее мимо судно о помощи взмахами руки.

Капитану немедленно доложили о замеченном среди волн моряке, и Джеймс тут же распорядился спустить на воду шлюпку.

Шлюпка скоро вернулась, доставив спасённого на борт брига. Когда человек немного пришёл в себя, капитан допросил его. Ровно за сутки до того, как «Сателит» появился в этих водах, небольшой десятипушечный бриг «Корделия», внезапно, среди бела дня, был окружён большой стаей акул. Чудом уцелевший моряк уверял, что никогда не видел столько акул, собравшихся в одном месте. Здесь были представлены хищники всевозможных размеров и видов – от карликовых до гигантской белой акулы. Кто-то словно приказал собраться в одно войско всем акулам в радиусе десятков километров. Хищников оказалось так много, что вода у бортов корабля буквально кипела от беспрерывного движения огромной стаи.

Моряки, собравшись у бортов, принялись стрелять по акулам из ружей. Каждый выстрел находил себе жертву, но хищники и не думали оставить «Корделию» в покое. Обеспокоенный капитан корабля приказал пустить в ход пушки. В ответ акулы словно взбесились и перешли к откровенно враждебным действиям. Наиболее крупные принялись своими мощными носами наносить удары по корпусу корабля. Невиданная ранее схватка между военным кораблём и морскими жителями продолжалась с нарастающим напряжением, когда появился вдруг ОН.

Джеймс, перечитывая строки, написанные собственной рукой, на минуту задумался. Дальнейшая часть рассказа уцелевшего в фантастической схватке моряка казалась Муррэю наименее правдоподобной, но спасённый настаивал на том, что каждое его слово является правдой. Трудно поверить...

Огромная акула, невиданных размеров, по длине тела превосходившая протяжённость корпуса брига, жуткой тенью поднялась из глубин океана. Остальные акулы, казавшиеся маленькими рыбками по сравнению с хозяином морских глубин, испуганно разделились на две части, образовав чистую дорожку к «Корделии» для глубоководного монстра. Капитан приказал дать пушечный залп всем бортом.

Моряк настаивал на том, что видел, как несколько ядер, выпущенных из пушек, точно попали в морское чудовище, но отскочили от него, как будто от каменной стены, не причинив никакого вреда монстру. Акула, не обращая внимания на ядра, набрала большую скорость и нанесла острым носом страшный удар ниже ватерлинии. Корпус «Корделии» оказался мгновенно пробит, и в трюм хлынула океанская вода.

Ещё дважды невиданных размеров разгневанная акула наносила сокрушительные удары по корпусу корабля. Бриг начал быстро тонуть. Палубу захлестнули волны, и матросы облепили мачты быстро погружавшегося в пучину корабля. Следом за корпусом под воду начали уходить мачты и все пытавшиеся спастись на них моряки оказались жертвами поджидавших в воде акул.

По приказу капитана на воду спустили две шлюпки, полные матросов, но едва шлюпки отплыли от тонущей «Корделии», как тут же были опрокинуты разъярёнными морскими хищниками. Не уцелел никто, за исключением одного члена команды, который лёг на живот на перевёрнутое днище шлюпки. Один за другим, на глазах несчастного, были разорваны все его товарищи, и моряк не мог рассказывать о пережитом спокойно. Каким – то обра-

зом во время бойни акулы не заметили его – он лежал на маленьком спасительном островке, не шевелясь и затаив дыхание.

Конечно, Джеймс не поверил ни одному слову уцелевшего моряка, но всё же записал неправдоподобный рассказ в судовой журнал. Наверное, парню просто сильно напекло голову солнцем или он наглотался солёной воды, а, может, чего-либо другого...

«Ладно, хватит бездельничать», – подумал Муррэй, поставил гусиным пером дату в журнал и решительно встал со стула. Он открыл двери капитанской каюты и, миновав довольно узкий коридор, по деревянной лестнице выбрался на палубу. Яркое Солнце на мгновение ослепило капитана, и он невольно прищурился. В Англии, вечной стране туманов, никогда солнечные лучи не заставляли людей прикрывать глаза, но ведь здесь совсем другой мир, совершенно непохожий на далёкую родину.

На палубе корабля суетились матросы, наводя блеск и чистоту. Довольный увиденным усердием, Джеймс перевёл взгляд на близкий берег. За полоской лазурной воды, в белой рамке прибрежного песка, весь обозримый горизонт занимала величественная и захватывающая дух, созданная природой сказочная панорама. Сплошной зелёной стеной непроходимые джунгли обозначили немалые размеры острова, из массива которых к чистым небесам тянулись высокие, синеватые из-за расстояния и туманов, вершины гор.

Прежде чем встать на рейд, Муррэй, как опытный моряк, послал шлюпку с несколькими матросами и мичманом на промер глубин. Когда шлюпка вернулась, капитан выслушал доклад мичмана и поставил бриг как можно ближе к берегу. Не теряя времени, Джеймс приказал произвести высадку десанта. Матросы с энтузиазмом и радостью встретили распоряжение своего капитана. Находившиеся на борту морские пехотинцы, значительно осложняли и без того тяжёлые условия жизни на корабле.

От «Сателита» к берегу направились шлюпки, наполненные людьми и различными грузами. В несколько приёмов все находившиеся на корабле солдаты и предназначенные им припасы были перевезены на песчаный берег. Пару шлюпок вытащили на песок рядом с кучами припасов, уложенных в тени деревьев. От временного лагеря к шлюпкам и обратно, размеренно и как-то важно, прохаживались двое выставленных часовых в красных мундирах.

Джеймс, услышав ругань, снова посмотрел на палубу. Здоровый боцман со скрученными на затылке в «свиной хвостик» волосами подгонял, где криком, а где и затрещинами, ленивых и нерадивых. Боцман Билли всегда трепетно следил за порядком на «Сателите». В воскресные дни Билли стогнал команду своими крепкими кулаками и такими же крепкими словами на мессу к корабельному священнику. На боцмана всегда и всюду можно было положиться, и сейчас он заставлял команду не двигаться, а летать по палубе, попутно выполняя всевозможные сложные задания. Как всегда, лишь один мичман бездельничал. Подросток благодаря своему званию, положению и надетой форме, обладал всеми правами офицера. Не до конца повзрослевший юный офицер, с мальчишеским хамством, всюду и везде пользовался своим привилегированным положением. Сидя на лафете короны, он иногда, чтобы немного развлечься, подзывал к себе одного из «пороховых обезьянок» – юнг, или порой даже взрослых матросов, и, найдя предлог или вовсе без него, награждал неудачника хорошей оплеухой. Каждая такая выходка шалопая в офицерской форме очень веселила самого мичмана, боцмана и тех матросов, которых миновало внимание мичмана. Улыбаясь, Джеймс наблюдал за проделками мичмана, списывая беззаботное веселье шалостям молодости. Однако, подобные выходки, как это знал капитан, многих матросов задевали за живое, и пару человек только ждали удобного случая, чтобы поквитаться с зарвавшимся шутником.

– Билли, – позвал к себе помощника Муррэй, – ты всё сделал, как я просил?

– Всё готово, сэр! – бодро отозвался боцман. – Джек, Джим, ко мне!

Джеймс спустился с капитанского мостика и направился в сопровождении боцмана и двух матросов на оружейную палубу. Возле одного из орудий, направленного в сторону берега, Билли остановился.

– Ну, что, боцман, покажем дикарям, что такое настоящее современное оружие? – подзадорил помощника Муррэй.

– Всегда готов, сэр, – ухмыльнулся боцман, – сейчас они услышат, как грохочут небеса, и всю оставшуюся жизнь будут трястись от страха!

Матросы, сопровождая каждое движение шутками, быстро подготовили пушку, и через несколько секунд грохот оружейного выстрела оглушил людей. Ядро пролетело над водой, миновало полосу песка и, ломая ветки, затерялось где-то в глубине тропического леса.

– Теперь на острове никого не останется – все разбегутся, – авторитетно заявил боцман.

– Сэр, что это? – вдруг испуганно вскрикнул один из матросов.

Ответ на пушечный выстрел не заставил себя долго ждать. Нечто, оставив за собой хвост, состоящий из огня, вылетело из зарослей и начало быстро приближаться к кораблю. Муррэй невольно сравнил летящий предмет с ракетой Конгрива, но как подобное достижение современной цивилизации могло оказаться в руках туземцев?

Ракета, пролетев некоторое расстояние над кромкой плещущих волн, начала задирать нос и перед самым столкновением резко, свечкой, ушла вверх. Она бы и вовсе не задела «Сателита», но неудачно зацепилась в полёте за самый край мачтовой реи. Взрыв, похожий на хлопок китайской петарды, приглушённо прозвучал где-то над головой капитана.

– На палубу! – Джеймс бегом бросился к лестнице и в несколько прыжков выбрался наружу. Следом, чертыхаясь, затопали боцман с матросами.

Края свёрнутого на рее паруса полыхали, окрашивая воздух в тёмный и дымный цвет. Несколько продолжавших гореть густых капель, упало на палубу. Капли, казалось, жили своей, отличной от известных законов природы, жизнью. Матросы пытались потушить их водой из вёдер, но маленькие костры от взаимодействия с жидкостью разгорались ещё сильнее.

«Что это? Что это? Греческий огонь!?!... Откуда?..» – заметались в голове Муррэя рождённые мысленным хаосом вопросы.

– Матросы! – закричал Джеймс. – На мачты! Рубите парус! Несите скорее топоры, вода здесь бесполезна!

Глава 6

– Просыпайся! Просыпайся! – кто-то сильно тряс меня за плечо, пытаюсь разбудить. Неужели я вечером не закрыл входные двери, и ко мне в гости пожаловала одна из моих подружек?

– Встаю, – я попытался недовольно отмахнуться рукой, однако меня не оставили в покое неведомые мучители. В конце концов, я с большим трудом, очень раздражённый, открыл глаза. И тут же вздрогнул. Вместо нежного девичьего лица я увидел перед собой свирепую, раскрашенную чёрной и красной краской физиономию, которая не могла принадлежать никому из моих знакомых. Просто я пока что ещё не завёл себе приятелей на том свете. Но кто это? Макоа? Макоа! Господи, только не это!

После имени в моей памяти всплыли последние события, воспоминания о которых напрочь лишили меня настроения.

– Ты спишь долго, как хаоле! – засмеялась дьявольская маска. – Ты, случайно, не хаоле? Вставай, уже давно рассвело!

Сон довольно ощутимо освежил тело и мысли. Я чувствовал себя бодрым и готовым встретить любую трудность и опасность. Я встал на ноги, руками смахивая приставшие за ночь к телу травинки и листочки. Лагерь давно жил полноценной жизнью. Сустились взрослые, занятые непонятными действиями и подчинённые исполнению неведомых мне целей. Мимо пробежала пара совершенно голых детей и, глядя на них, я невольно улыбнулся.

Макоа протянул мне вскрытый кокосовый орех:

– Поешь, Оеха!

Я выпил сок и попробовал мякоть. Ого, как вкусно! Не успел я и глазом моргнуть, как всё съел. А Макоа приготовил уже следующий, да ещё поджаренную птичку припас в качестве десерта. Я справился со всеми угощениями, которые мне принёс старик, и поблагодарил:

– Спасибо, Макоа!

– Поел, Оеха? Пошли, нас ждут дела! – я без слов последовал за стариком и мы немного углубились в заросли.

– Смотри, Оеха, мы всё сделали так, как ты сказал! – он гордо показал рукой на продолговатый предмет, лежащий под одним из деревьев.

Я подошёл поближе, присел на корточки и принялся изучать то, чем хотел меня удивить пожилой полинезиец. Ничего себе, а островитяне – то оказались с головой на плечах! Передо мной лежала примитивная, но, наверняка, достаточно эффективная ракета. Полинезийские конструкторы для создания корпуса использовали ствол какого-то полого растения, возможно, неизвестной мне разновидности бамбука. Один конец естественной трубы хорошо заделали, а на другом поместили что-то, напоминающее боеголовку.

Продолжая осматривать чудо первобытной техники, я начал задавать своему спутнику вопросы, а он, гордо ухмыляясь, отвечал на них. «Фау – 1» должен был взлететь в воздух благодаря силе пороха. Полинезийцы засыпали в природную камеру порох и оставили лишь небольшое отверстие, которое играло роль сопла. Я должен был признать, что обозначенную мной в пещере идею, Макоа понял правильно. Если насыпать просто порох на землю и поджечь его, то он пыхнет без всякого эффекта. А вот если столько же пороха поместить в закрытое пространство, в таком случае при горении возникнут силы, которые позволят предмету двигаться.

А что местные мастера поместили в голову ракеты? Макоа неторопливо пояснил мне, что здесь к чему, и я невольно почувствовал уважение к природному уму и смекалке полинезийцев. В темноте пещеры Макоа достаточно хорошо разобрался в принципе действия напалма. Он понял предназначение нового оружия, и полученных от меня знаний полинезийцу вполне хватило для того, чтобы создать нечто особенное, способное вызвать страх даже у хаоле. Конечно,

прожигающие и разрывные заряды сейчас нам были совершенно не нужны, да и взять их было неоткуда. А вот смесь, которая способна сжечь, не потухнув, что угодно – это совершенно другое дело для того, чтобы произвести впечатляющую демонстрацию наших возможностей и нашей силы на врагов.

Макоа заменил в составе туземного напалма бензин, который составляет базовый ингредиент этого смертоносного изобретения, каким-то похожим по составу горючим веществом. Я не понимал многих названий, может, он говорил о нефти, а, может, о каком-то другом веществе. Вместо искусственных загустителей полинезиец использовал местные природные аналоги. Макоа гордо рассказал мне, как провёл множество экспериментов и в итоге добился того, что изготовленная им смесь при попадании на любую поверхность продолжала гореть.

Я встал и похвалил Макоа. Полинезийцу не терпелось поскорее опробовать своё детище в деле. Я согласился с ним, но, вспомнив ночной разговор с богом мёртвых Вхиро, вкратце пересказал содержание нашей беседы Макоа. Как бы между прочим, упомянул о том, что в темноте ко мне приходил посланец Тангароа – бог Вхиро. Услышав это имя, Макоа даже немного отшатнулся от меня, а я рассказал полинезийцу о вылазке хаоле и о том, что они направляются к Священной горе.

Макоа заметно забеспокоился:

– Подожди меня здесь, Оеха, – сказал он и покинул меня, чтобы через несколько минут вернуться в сопровождении двух воинов. Одного из них трудно было не узнать. Мой вчерашний знакомый Сифа, с обезображенным язвами лицом, неожиданно для меня оказался совсем рядом. Чисто рефлекторно я постарался отодвинуться от него подальше.

– Оеха, я разделил наши силы. Мы пойдём и напугаем хаоле, которые живут на большой лодке. А остальные в это время попытаются пройти по тайным тропам навстречу вражескому отряду и задержать его.

– Оахо! – в ответ сказал я. Макоа, как всегда, быстро сообразил и принял наилучшее решение из всех возможных.

Сифа и незнакомый мне воин положили на плечи последнее достижение технической мысли островитян, и наш маленький отряд углубился в джунгли. Около часа мы двигались по едва заметной тропинке под зелёным куполом. Во влажном полумраке первобытного леса птицы и неизвестные мне зверьки провожали каждый наш шаг писком и криком. Какая-то скрытая часть моего сознания узнавала и вспоминала каждое дерево, каждую птицу, что встречались на нашем пути. Увидев незнакомое дерево или куст, я вдруг вспоминал его полинезийское название, и в памяти всплывало какое-либо туманное воспоминание. Вот только воспоминания эти были не мои. Начавшееся раздвоение личности порядком встревожило меня.

Макоа, шедший впереди, остановился и вытянул руку, не пуская нашу процессию дальше. Выглянув из-за плеча стоявшего передо мной воина, я понял, что мы достигли побережья. Наша небольшая экспедиция остановилась на самом краю леса, за которым резко началась песчаная полоса. С мягким шорохом прибрежный песок, одна за другой, ласкали волны океана. Только один раз, да и то во сне, стоя с Макоа на краю обрыва, я видел Тихий океан. Сколько воды! Вода уходила за горизонт, вода была везде.

– Оеха, – тихо позвал меня полинезиец, – посмотри налево.

Встав рядом с Макоа, я повернул голову туда, куда указал рукой старик, и увидел, довольно далеко, пару лодок, вытасканных на песок. Между шлюпками лениво считали шагами расстояние пару часовых, одетых в мундиры красного цвета.

– Вижу! А где большая лодка хаоле?

– Да ты что, Оеха! – неподдельно изумился Макоа. – Ну, ты и, правда, хаоле! Вон же она, перед тобой!

Двумя руками он раздвинул большие листья какого-то растения, похожего на наши лопухи, закрывавшего от меня обзор половины бухты. Я сразу увидел корабль хаоле. Вот это

красавец! Моё воображение рисовало мне военные корабли того времени в довольно мрачных красках. По моему представлению, они должны были выглядеть, как большие деревянные корыта, с облупившейся краской и порванными ураганными ветрами парусами. А здесь так близко, что можно разглядеть малейшие детали, находилось настоящее произведение искусства. Стараясь поцарапать небо, вверх тянулись мачты, на которых сложили свои крылья свёрнутые паруса. Корпус корабля блестел яркими красками, и всё судно выглядело на редкость эффектно, впрочем, создавая внешним видом внутри меня чувство тревоги.

Пока мы с Макоа рассматривали корабль, Сифа с незнакомым мне воином нарубили из молодых стволов деревьев необходимые для запуска заготовки. Как только полинезийцы принесли обрубки веток, мы быстро собрали рогатки, и на созданный станок поместили принесённую с собой ракету. Вместе с Макоа я немного подрегулировал высоту рогаток, навёл «Фау 1» на корабль и выправил прицел. Когда всё было готово к запуску нашего чудо – оружия, которое должно было изменить расстановку сил, я услышал принесённый порывами ветра удалённый шум. Несколько человек что-то зловеще кричали далеко от нас, в глубине леса. Я прислушался и смог разобрать отдельные фразы:

- Вы найдёте здесь свою смерть, хаоле!
- Вам конец!
- Все боги против вас!
- Вы все умрёте!

К моему удивлению, последнюю фразу кто-то смог произнести на ломанном английском языке.

- Что это? – спросил я Макоа.
- Мои люди вышли на тропу войны, – довольно засмеялся пожилой полинезиец.

Психическая атака! Пока мы готовились опробовать новое оружие, большая часть людей Макоа настигла отряд белых солдат, направляющийся к Священной горе, и пытается замедлить его продвижение.

– Очень хорошо, Макоа! – похвалил я своего спутника. Я хотел сказать ещё пару лестных для полинезийца фраз, но тут раздался звук, напоминающий гром, и над бортом корабля поднялось облако дыма. Над нашими головами со свистом пронёсся какой-то предмет и, шумно ломая ветки, где-то недалеко закончил свой полёт. Сифа со вторым воином отшатнулись, но Макоа лишь сжал кулаки и никак больше не показал страха. Я же, как ни странно, громко и нервно засмеялся. Хаоле на корабле выстрелили из пушки! Какой удобный момент, чтобы показать наглым захватчикам, что этот мир не является их собственностью.

– Ответим хаоле! – я поджёг фитиль, и мы укрылись за стволами деревьев. С треском и свистом наша «шутиха» сорвалась с пускового станка и понеслась в направлении корабля. Ракета, оставляя за собой огненный хвост, к сожалению, вдруг резко задрала нос, который потянул весь корпус вверх, в небо. Впрочем, ракета продолжала лететь, а могла ведь просто упасть в воду.

Описав небольшую дугу, последнее чудо полинезийской техники, перед корпусом корабля хаоле, пошло резко на взлёт, но в какой-то момент подъёма задело за верхнюю рею самой высокой мачты. С характерным треском головка ракеты развалилась, пролившись огненным дождём на свёрнутый парус, который мгновенно вспыхнул.

Я с удовольствием наблюдал из-за ствола дерева, как по палубе корабля заматались маленькие фигурки матросов, пытаясь потушить вспыхнувший в нескольких местах пожар. Рядом со мной бесшумно появился Макоа:

– Смотри, как носятся хаоле! – не в силах сдержать эмоций, я хлопнул полинезийца по плечу ладонью.

– Им весело, Оеха! Ух, как им весело! – рассмеялся Макоа. – Мы сделали дело, нужно уходить!

Макоа невольно предложил придерживаться классической партизанской войны – ударил и будь добр, если не хочешь понести потери, делай ноги. Молодец, старик! В то же время, подгоняя нас, над головой прожужжала пара свинцовых пчёл. Тук, тук! Совсем рядом по стволам деревьев ударили кусочки свинца, а возле стоящих часовых поднялись облачка сгоревшего пороха.

Бросив ракетный станок, который уже сыграл свою роль, мы побежали вглубь леса. Крепкие ноги быстро уносили меня от опасного побережья, а всё внутри пело от радости, потому что у нас получилось заявить о себе. Чем дальше мы углублялись в хаос первобытных джунглей, тем отчётливей слышались крики людей Макоа, пытавшихся задержать белых солдат:

– Хаоле, пришла ваша смерть!

– Мы убьём вас всех!

Внезапно голоса смолкли. Лес непривычно затих, ни единый звук не нарушал больше испуганной тишины, и я отчётливо слышал лишь хруст веточек под ногами и своё хриплое дыхание. Вдруг деревья оказались у нас за спиной, и мы выбежали на берег небольшого озера. Словно кто-то огромный наступил на землю людей акульского бога, и в следе от гигантского копыта со временем собралась вода.

– Остановимся здесь, – махнул рукой Макоа, – немного отдохнём!

Мной овладело одно желание, один порыв. Воды! Попить немного воды! Тяжело дыша, я сделал несколько шагов и встал на колени перед спасительной влагой. Вода в озере была на удивление чистой, и я внезапно увидел отражение своего лица. Я впервые посмотрел на себя со стороны и невольно вздрогнул. Ну и физиономия! Тангароа постарался, нечего сказать! Наверное, долго выбирал для меня тело, а потом так же долго смеялся над своим выбором. Более свирепого выражения лица, чем у меня, я, наверное, никогда и ни у кого в жизни ещё не видел. К тому же татуировка делала мрачные черты по-настоящему зверскими. Татуировка расписывала заgrabными рисунками нос, щёки, лоб, не оставляя нигде ни одной чистой от знаков полоски кожи. Да по сравнению со мной Макоа и его спутники имели внешность небесных ангелов!

С трудом перестав любоваться собой и невольно недобро вспомнив Тангароа, я зачерпнул в ладони воды и изображение, заплывав, исчезло среди волн, появившихся на поверхности на удивление чистого водоёма. Холодная вода быстро привела меня в чувство. Я несколько раз зачёрпывал ладонями сверкающую в лучах Солнца жидкость и торопливо подносил добычу ко рту. Напившись, пару раз плеснул на себя, и лёгкость и бодрость вернулись ко мне.

Не успел я встать на ноги, как где-то совсем рядом грохнуло несколько выстрелов. Птицы тоже услышали выстрелы и испуганно замолчали. Наступила непривычная, полная тишина.

– Что это? – с трудом шевеля обезображенными язвами губами, спросил Сифа.

– Что-то... случилось, – выпрямился Макоа.

В этот момент хрустнула ветка, и к озеру из джунглей выскочил голый мальчик, лет двенадцати, с телом ещё не покрытым татуировками, но уже раскрашенным красками, символизирующими смерть и готовность её встретить. Мальчик, увидев Макоа, в один миг оказался возле полинезийца и принялся что-то торопливо и быстро рассказывать. Я услышал несколько эмоционально произнесённых фраз:

– Убили... Звери – хаоле... Он не успел убежать...

– Веди нас, – коротко приказал мальчику Макоа. Минут двадцать молча и со свирепой решимостью, наш небольшой отряд шёл по труднопроходимому лесу за маленьким проводником.

Мальчик вёл нас уверенно, сразу было видно, что он хорошо знает этот лес. Я шёл замыкающим, теряясь в догадках, что же произошло. Вдруг лес выпустил нас на большую поляну. Первым за проводником вышел на поляну Макоа, и я услышал его сдавленный и гневный крик.

Затем, как-то по – звериному, зарычал Сифа, а следом уже и я вышел из под защитной тени леса и тут же остановился, потрясённый увиденным.

Прямо посередине довольно большой поляны росло крупное ветвистое дерево. А под ветвями, на стволе дерева, висел труп мёртвого мальчика. Руки парнишки были вытянуты вверх. В одном положении их удерживали гвозди, шляпки которых торчали из ладоней. Ноги мученика тоже были прибиты к стволу дерева. Мальчишке на вид было не больше тринадцати – четырнадцати лет и он принадлежал к числу тех людей Макоа, которые пытались задержать продвижение отряда белых солдат к Священной горе.

Мальчишка торопливо рассказывал о том, как несколько подростков вместе с взрослыми пытались помешать походу отряда солдат вглубь земли людей акульего бога. Опасная игра продолжалась до тех пор, пока трое проводников – полинезийцев, состоящих на службе у хаоле, не устроили ловушку и не поймали одного из мальчишек. А то, что они сделали с неосторожным подростком, я видел своими глазами. Тошнота подступила к моему горлу, я не мог спокойно смотреть на страшное зрелище. Люди не могли сотворить с подобным себе такого, только звери! Лицо парнишки выражало такую муку, что у меня невольно на глазах появились слёзы. С бедняги сняли скальп, в результате чего верхняя часть головы представляла собой одно сплошное кровавое месиво. А потом долго измывались, нанося в живое и обездвиженное тело, многочисленные удары штыками или ножами.

Я не мог произнести ни одного слова и просто молчал, опустив голову, чтобы не видеть страшного послания. Да, движение отряда хаоле удалось задержать, но какой ценой! Однако я ещё не знал, что наши потери были гораздо существеннее. На поляне, не дав нам возможности выразить словами гнев, из джунглей появились несколько воинов из числа тех, кто так неудачно пытались задержать хаоле. Двое из них были ранены и двигались с трудом. Сифа и Макоа встретили своих соплеменников множеством вопросов. Очень эмоционально, переходя часто на крик, отвечали им суровые воины, и нам сразу стало понятно, что за выстрелы мы слышали на берегу маленького лесного озера.

Так же, как и мы, стоящие перед нами воины обнаружили убитого мальчика и, объятые гневом, в едином порыве, после недолгого преследования, догнали отряд хаоле. Полинезийцы, может, имели шанс внезапной атакой смять белых людей, но, к сожалению, их появления уже ждали. Столкновение произошло на довольно открытом участке. Едва полинезийцы показались из-за деревьев, как их встретил ружейный залп. Двое воинов были убиты на месте, ещё двое ранены, а все уцелевшие рассеяны. Ни один из нападавших не успел добраться до противника, и причинить ему какой-либо вред.

Глаза Макоа заблестели то ли от слёз, то ли от гнева. Он весь вытянулся и подобрался, как-то в один миг подросток, готовый действовать. Мечь звала его за собой, он жаждал увидеть смерть тех, кто совершил страшное преступление. Я желал того же самого.

– Ты готов убивать, Макоа, я вижу, – я взял его за руку. – Скажи мне, успеют ли хаоле достичь Священной горы до темноты?

– До темноты? Теперь уже нет!

– Макоа, послушай меня. Нужно дождаться наступления ночи. Когда станет темно, мы нанесём удар наверняка. Нас слишком мало, к тому же боги обещали помочь нам, когда наступит ночь.

Макоа, глядя на меня, долго боролся с собой. Импульсивная натура призывала полинезийца действовать, в то время как разум пытался прислушаться к моим словам.

– Хорошо, Оеха, – наконец сказал он, – но с наступлением темноты мы убьём их всех.

– Так и будет, Макоа, – кивнул я головой. « Убьём хаоле, но чем?» – подумал я. Я давно нахожусь среди людей Макоа, но ни у кого не видел ни одного ружья. Опять же, почему полинезийцы не смазали наконечники стрел ядом, как я подсказывал поступить Макоа при нашей первой встрече? Наверное, местное понятие военной чести не позволило. А зачем воины броси-

лись в лобовую атаку? Могли ведь даже при помощи примитивных луков порядочно потрепать белых солдат, нанося внезапные удары и тут же скрываясь от ответного огня. Мне, искущённому опытному кабинетному стратегу из двадцать первого века, была совершенна непонятна военная тактика полинезийцев. Но я промолчал. Не тот момент, чтобы лезть с нравоучениями и вопросами.

– Убьём их всех, Оеха, – решительно произнёс Макоа, – убьём, как только наступит ночь.

Глава 7

Макоа собрал всех своих людей в одном месте. Больше он никого не посылал тревожить хаоле. Мы и так, выполняя указание Вхиро и Миру, потеряли три драгоценные жизни. Три человеческих жизни! Ради чего? Ну, дошли бы хаоле до Священной горы, походили по ней во главе со своим священником, а потом вернулись назад. Что там может быть такого секретного, что могло бы стоить три человеческих жизни? Не знаю...

Я не мог смотреть на убитого мальчишку, сразу в голову лезли вопросы, вопросы, вопросы... Никогда раньше я не сталкивался с такой показной жестокостью, а ведь Макоа видел похожие сцены постоянно. Он смотрел изо дня в день на гибель своего мира и имел несчастье наблюдать вырождение своего народа. А мы, сидя у телевизоров в далёком будущем, радуемся тому, что немногие, чудом уцелевшие потомки Акульих людей, ходят в брюках и мирно развлекают туристов.

Макоа распорядился снять с дерева убитого мальчика и похоронить мученика. Голос полинезийца дрожал, когда он отдавал распоряжения. Я смотрел на старика и не мог узнать ставшего мне столь близким человека. Он едва мог контролировать себя.

Я подошёл к Макоа:

– Будь сильным, Макоа!

– Быть мужчиной очень тяжело, Оеха! – ответил мне мрачно полинезиец. – Мальчик был сиротой. У него никого не было, кроме меня. Последние дни он не отходил от меня ни на шаг. Я дышал его радостью и захлёбывался от его горя. Он верил мне, и он успел полюбить меня, а я его.

Все слова утешения как-то сами собой умерли внутри меня.

– А где твоя семья, Макоа?

– Семья? Умерли все, Оеха! Все! Кое-кого убили... Нас было много, а остался я один. Никчёмный старик. Даже смерть не хочет отвести меня в царство Миру... Последним умер мой любимый внук, Утреннее Солнышко. Он скончался у меня на руках от болезни, которую послали на нашу землю хаоле. Знаешь, что эта за болезнь? Она покрывает всё тело сыпью, а лицо волдырями. Стоит только подойти к больному – и уже болеешь ты. Все заболели, кроме меня, ведь я не нужен ни Миру, ни Вхиро.

Скорее всего, старик говорил об оспе.

– Боги приготовили для меня испытания не посильные для человека. Они обрекли меня на муки, оставив в этом мире совсем, совсем одного... Солнышко был последним из моего рода. Кроме меня... Он держал меня за руки, вот здесь, вот здесь... Я до сих пор чувствую тепло его рук. Оно не уходит... Оно не уходит! Это тепло не согревает, оно жжёт, жжёт мои пальцы, мою душу!.. Мы были вдвоём, вдвоём во всём мире, потому что... Потому что все жители деревни уже умерли. Только я и Солнышко ещё жили в том царстве мёртвых. Я прижимал его к себе и плакал. Я не стесняюсь сказать слова, недостойные воина. Оахо! Мать ещё до прихода хаоле отучила меня плакать, и я очень удивился, когда вдруг стал плохо видеть. Слёзы текли у меня по лицу, а я не знал, что же это за напасть меня посетила. Я не мог понять, какой злой бог заставил капать из моих глаз солёный дождь и дрожать мои губы. Я подумал, что заразился, и очень обрадовался.

Мне было очень тяжело слушать историю Макоа, но я не мог его бросить и просто отойти.

– Я проклял всё, Оеха! И людей, и богов, но в первую очередь хаоле! А Солнышко, который крепко вцепился мне в пальцы, заметил, что я плачу. Он был очень маленький и поэтому знал, что такое слёзы. Солнышко принялся упрашивать меня не плакать: « Не плачь, мой дедушка Макоа», – сказал он, – «не плачь так горько!» «Но как же мне не плакать? Ведь больше у меня никого нет, а ты хочешь уйти!» «Не плачь, дедушка. Я только немного заболел, я ведь

поправлюсь. И мы снова будем вместе с тобой бегать по песку». Я знал, что он уже не выздоровеет. «О-о!» – застонал я. – «Солнышко, я так хочу, чтобы ты снова был здоров!» И тут он признался мне: «Нет, наверное, дедушка. Что-то мне всё хуже и хуже. Я уже слышу, как Вхиро зовёт меня, а Миру готовится встретить». «Не покидай меня, Солнышко!» «Не бойся, дедушка, мне будет хорошо в стране мёртвых По... Что мне здесь делать одному? Там у меня все друзья. Там меня ждут мама и папа, мои сёстры и братья... Что мне делать в мире людей одному? Они зовут меня, разве ты не слышишь, дедушка? Ведь им так там одиноко без меня... Не плачь, дедушка, не плачь...» «А я?!» Но он не ответил мне. Пальцы Солнышка не отпустили мою руку, но вдруг сделались такими холодными, такими холодными!..

Я и не заметил, как вокруг меня собрались все остальные полинезийцы, внимательно слушая рассказ старика.

– Я прижал Солнышко к своей груди и, держа в руках своё горе, раскачивался из стороны в сторону. Помню, как я кричал богам: «Тангароа, Оро, не забирайте у меня Солнышко! Верните его!» Но боги молчали. Как всегда, они привыкли отмалчиваться, когда видят наши несчастья. Я не видел, что происходит вокруг, и пропустил удар. И только в последний миг заметил, как Каду наклоняется надо мной и заносит над моей головой свою боевую дубинку. Это воины Акульего Братства, по воле отцов – хаоле, пришли в деревню и добивали всех, кто ещё дышал. Сильный удар всего лишь оглушил меня, и я вскоре очнулся. Я встал и пошёл. Я считал шаги, чтобы не упасть и не потерять сознание. Звал Солнышко, но он не отвечал. Просил богов забрать меня к себе, но они опять притворились глухими. Иногда я сбивался со счёта, и тогда начинал считать свои шаги заново. Мне было всё равно, буду ли я жить или умру. Потому что рядом со мной не было больше Солнышка. И я вновь и вновь начинал жалобно звать его. Наконец, он услышал меня и ответил: «Дедушка Макоа, я слышу тебя!» Я обрадовался и спросил: «А ты уже увидел всех моих детей и внуков в стране мёртвых По?» «Я пока не достиг царства Миру!» – ответил мне Солнышко. – «Зато я узнал, откуда взялась на нашей земле болезнь хаоле, которая забрала меня». «Откуда?» «Я встретил ужасного духа, которому подчиняется эта болезнь. Смеясь, он сказал мне, что во всём случившемся виноваты вещи, которые нам дали в миссии отцы – хаоле. Они специально раздали нам вещи больных людей, чтобы мы все заразились. Они передают эти вещи, в которых живёт болезнь, от одной непокорной деревне к другой, а нас становится всё меньше и меньше».

Мне вдруг стало нехорошо. Выходит, миссионеры специально раздавали заражённые вещи, но для чего? Чтобы очистить остров для переселенцев?

– «Солнышко, когда увидишь всех наших родственников, передай им привет. Скажи... Скажи им, что Макоа тоже не будет задерживаться в мире людей!» Солнышко после моих слов опять куда-то пропал, и я снова остался один. Я ещё долго шёл, пока нашёл пещеру, в которой ты встретил меня в теле Каду. Воины Акульего Братства увидели по следам, что я остался жить, и пошли за мной. Зачем я зашёл в ту пещеру? Ведь я не хотел больше жить! Не знаю... Я решил не сопротивляться Каду и поскорее встретиться с Солнышком и со всеми остальными. Но прежде я хотел высказаться, а уж потом умереть...

– И я потерял всех своих родных, – тихо сказал один из воинов.

– У меня тоже никого не осталось, – поддержал его другой.

– Мы должны мстить, – с трудом заговорил Сифа. – Посмотрите на меня! У каждого из нас есть своя история о своём Солнышке! Духи умерших видят нас и заклинаят о мести. Мы должны пойти и убить всех хаоле! Уже темнеет!

И в самом деле, наступили сумерки и вокруг стемнело. Наполненные решимостью, мы быстро нашли следы хаоле и пошли по ним, думая только об одном. Я шёл вместе со ставшими мне такими близкими полинезийцами и тоже был готов убивать, убивать всех, кто попадётся мне на пути. Всех, кто был не похож на нас.

Скоро где-то впереди, в темноте, мы услышали звуки музыки. А ещё через несколько минут увидели лагерь белых людей, хорошо освещённый кострами. Офицер, руководивший солдатами, умело разбил бивак на берегу озера, разведя костры за несколькими поваленными большими деревьями. Нечего сказать, умелые вояки нам попались! Для того, чтобы напасть на врага, нам нужно было сначала преодолеть довольно большое открытое пространство, а затем перелезть через засеку из стволов. Всё это время, пока мы попытались бы добраться к противнику, нас осыпал бы град из пуль. К тому же, хаоле было намного больше, чем нас. Если посчитать проводников из числа воинов Акульего Братства, против нас могли действовать не менее тридцати опытных бойцов, в то время как нас было всего лишь десятеро, включая одного мальчишку, меня, старика Макоа, двух раненных и одного полуразложившегося от болезни человека.

Темнота и лес пока надёжно прятали нас. На самом краю леса, там, где заканчивались последние деревья, мы спрятались в траве и кустарнике и из нашего укрытия наблюдали за лагерем хаоле. Кто-то из солдат был знаком с шотландской волынкой и неплохо играл на непривычном для человека из будущего музыкальном инструменте. Волынке мягко и мелодично подыгрывала флейта. Ох, какой чудный вечер! Поскорей бы зарезать всех музыкантов...

– Слишком далеко и слишком рано, – прошептал Макоа, словно прочитав мои мысли.

– Подождём, – согласился я с полинезийцем.

– А я готов хоть сейчас, – тихо высказался мальчишка.

– Остынь, – шикнул на него Сифа.

Продолжая рассматривать лагерь противников, я вдруг понял, что эти люди, со своими заботами и проблемами, становятся всё ближе и понятней мне.

Свет от костров блестел на поверхности воды, в то же время хорошо освещая фигуры солдат. Хаоле подготовили нам неприятный сюрприз в виде эшелонированной оборонительной позиции. За поваленными деревьями был выставлен небольшой караул из трёх бойцов в красных мундирах. Основные же силы находились у костров, впрочем, всегда готовые оказать помощь передовому рубежу обороны. Да, всё продуманно, наскоком ничего не сделаешь...

Я задумался, продумывая план атаки, но мне не дали возможности и времени для разработки сложных тактических комбинаций. Флёту и волынку как-то ненавязчиво вдруг дополнили звуки совершенно незнакомых мне музыкальных инструментов. Музыкальный ритм начал нарастать с каждой новой нотой. Небесной красоты музыка зазвучала всюду. От неё у меня закружилась голова, и пересохло в горле.

– Не смотрите, не смотрите! – несколько не боясь, что нас обнаружат, внезапно закричал Макоа. – Я слышу музыку мёртвых! Возле озёр бывает такое! Чтобы не случилось – не смотрите! Спрячьте голову между рук, и если вас кто-то коснётся, если хотите жить, не поднимайте головы!

– Уходим, – испуганно прошептал один из воинов, и я услышал, как зашелестела трава. Все туземцы покинули меня, но я не двинулся с места. Оглянувшись, я с удивлением обнаружил возле себя лишь Макоа и мальчишку – полинезийца.

Не считая нужным больше прятаться, я встал во весь рост, и Макоа даже не попытался меня удержать. В таком положении я видел весь лагерь хаоле, как на ладони, и в нём начинало твориться что-то на редкость странное. Возле берега, из воды маленького озера, появилась голова. Сначала одна, потом вторая, затем ещё и ещё... Я присмотрелся. Из воды солдат на берегу с любопытством разглядывали женщины! Смолкла флейта, умолкла волынка, и только неизвестные мне инструменты продолжали очаровывать сказочной мелодией.

А на берег из воды, тем временем, одна за другой, выходили совершенно нагие молодые женщины. Как они были прекрасны! От вида таких небесных гурий у меня просто перехватило дыхание! Их словно создал гениальный художник: с тонкими талиями и длинными ногами, а высшие силы вдохнули жизнь в то, что воплотило в себе совершенство. Многим эти неземные

создания напоминали белых женщин, но много в их внешности было и экзотического, чисто полинезийского.

Одна за другой они покидали воду и, оказавшись на берегу, первым делом резко встряхивали головой. Пышные шевелюры мгновенно высыхали, превращаясь в сложные и замысловатые причёски.

– Что там происходит? – тихо, со страхом в голосе, прошептал Макоа.

– Из озера выходят женщины удивительной красоты, старик, – так же тихо ответил я.

– Пришли тапаиру, – застонал Макоа. Наконец – то ему, судя по голосу, стало страшно. – Нимфы богини Миру. Не смотри на них, не смотри, Оеха! Они заберут твоё тело и душу!

– Мне можно, Макоа, я посланец не только Тангароа, но и Миру, – немного успокоил я полинезийца, – мне они ничего не сделают.

Женщины, пока мы разговаривали, начали танцевать. Они разбились по парам, каждая выбрала себе одного из солдат. Танцевали они как-то странно, но очень завораживающе и пластично. В своём мире, в ночных клубах, я привык двигаться всем телом, но местные танцевальные движения основывались совершенно на другой школе и иных принципах. Корпус у нимф оставался неподвижным, но вот руки и ноги извивались в каком – то невообразимо бешеном ритме. Завороженные, хаоле, не в силах удержаться, принялись зачарованно неловко топтаться вокруг неземных красавиц. Тапаиру зажигательно смеялись, а солдаты что-то радостно кричали.

Я заметил, что танцующие пары начали удаляться от лагеря и приближаться к воде. Внезапно одна из нимф обхватила кавалера за шею руками и повалила в воду. Вода забулжила, словно закипела, в пузырьках мелькнули человеческие ноги. За первой парой ещё одна тапаиру утащила свою жертву в тёмное озеро. Неужели уцелевшие солдаты ничего не замечают? Нет! Заколдованные, смеясь и крича, они продолжали смертельный танец!

– Тапаиру топят людей в воде, – сообщил я то, что увидел, Макоа.

– Они не топят их, Оеха, – прошептал дрожащим голосом Макоа, – они утаскивают хаоле живыми к Миру. Такой участи не позавидует ни один мертвец!

Не прошло и нескольких минут, как на берегу не осталось ни одного человека. Вот только три тапаиру сиротливо остановились, хорошо освещённые светом костров, посередине лагеря. Две нимфы, издав тихий, нечеловеческий стон, развернулись и вошли в озеро, где вода скоро поглотила их. Но вот третья, понюхав воздух, направилась в нашу сторону. Вместе с ней к нам приближалась, становясь всё громче, небесная музыка.

Мальчишка – полинезиец, который, видимо, решил подсмотреть за происходящим, вдруг встал во весь рост рядом со мной. Он решительно шагнул вперёд, навстречу нимфе богини подземного мира. Я положил руки ему на плечи, стараясь удержать, но он, извиваясь, попытался вырваться из моих объятий.

Пока я боролся с парнишкой, тапаиру оказалась возле нас. Потрясающая красота! Я видел... Точёное лицо с немного миндалевидными глазами. Никогда не встречал я такого прекрасного лица... А губы? Яркие, как коралл. Улыбаясь, нимфа показала мне белые, как жемчуг, зубы. Волосы, светлые и кудрявые, спадали к самым бёдрам. Большие груди двигались при каждом движении, а между длинных и красивых ног темнел притягательный треугольник...

– Отпусти его, – зазвенел в воздухе колокольчиками неземной голос.

– Нет, – неожиданно для себя отказал я.

– Кто ты? Кто ты? Кто ты такой? Кто ты такой, такой, такой? – запела тапаиру, приблизив своё лицо к моему. Она принялась, танцуя, водить своей головой из стороны в сторону. Она обнюхивала меня!

– Кто ты такой? Кто ты такой? Такой... такой... – пела чистым голосом жуткую песню тапаиру. – У тебя тело, у тебя тело, у тебя тело... мертвеца! Мертвеца! Мертвеца! Кто ты? Кто ты? Кто ты такой? Но ведь ты жив! Но ведь ты жив! Пойдём со мной! Пойдём со мной!

Со мной хорошо! Со мной хорошо! Я – Та Таха, я – Та Таха, я накормлю тебя нгаро! Пойдём со мной, пойдём со мной, пойдём со мной...

Всё поплыло перед моими глазами, но неожиданно, словно кто-то другой моими губами повелительно крикнул тапаиру непонятное мне слово:

– Хвиршо! – нимфа, по имени Та Таха, мечта, которую я искал всю жизнь, испуганно, с тихим звериным воем, отпрыгнула от меня. Немыслимо длинными прыжками она в один миг достигла озера и прыгнула в воду.

– Откуда ты знаешь магический язык древних? – спросил меня, тяжело дышавший Макоа.

– Понятие не имею ни о каком языке древних... А что я сказал?

– Слово – заклинание! «Прочь!» – приказал ты тапаиру. Ты произнёс одно из самых сильных магических слов. Я, наверное, последний, кто слышал про язык Древних. Мне немного успел рассказать перед смертью последний умирающий жрец...

Следом за бегством нимфы стихла и музыка. Наступила тишина, а я всё не отпускал от себя мальчишку.

– Отпусти его, Оеха! Ему больше ничто не угрожает! – сказал мне Макоа. Я послушался полинезийца, убрал руки и даже подтолкнул парнишку в спину, стараясь вывести из ступора. Втроём мы вышли из леса и направились к освещённому светом костров берегу озера. Едва мы подошли к засеке из стволов деревьев, как громкий звук треснувшей под чьими-то ногами ветки заставил обернуться. Наши доблестные воины, которые покинули меня и Макоа при первых звуках потусторонней музыки, тёмными пятнами отделились от ночного лесного массива. Приглядевшись, я понял, что число их возросло. Когда они подошли поближе, я увидел, что им удалось захватить двух пленных – священника и молоденького рыжего солдата с неприметной внешностью, в изодранном мундире.

– Убежать хотели, – принялся торопливо рассказывать Сифа. – Трое было. Эти двое и один наш, из Акульего Братства. Нашего мы убили сразу... А вот этих привели к вам.

Неожиданно я понял, почему на берегу озера сиротливо, без второй половины пары, остались три нимфы – тапаиру. Просто намеченным жертвам удалось убежать и оставить кровавых помощниц богини смерти ни с чем.

– Убейте их, – Макоа с отвращением отвернулся от пленных. – Убейте обоих!

Полинезийцы встретили решение своего вождя радостным криком – кличем, от которого кровь застыла в жилах. Я не мог оставаться безучастным и шагнул к жаждущим крови воинам:

– Стойте, – громко сказал я. – Не делайте этого!

– Не мешай им, Оеха! – попытался остановить меня Макоа.

– Уйди, Оеха! – надрывно крикнул мне Сифа, а остальные даже не обратили на меня никакого внимания. Я не понимаю, откуда у меня взялось столько смелости, но я раздвинул плечами почувствовавших запах крови убийц, крепко схватил за шиворот рукой молодого солдата и притянул к себе:

– Этот мой! – повелительно и грозно распорядился я. Посмотрим, сможет ли кто из вас бросить мне вызов? Я готов был вступить в схватку с кем угодно, хоть со всеми сразу, и полинезийцы поняли мою решимость. Никто из них не хотел умирать, ведь для них я был больше, чем обычный человек. С недовольным ворчанием они отвернулись от меня, а моя душа шепнула мне, что я всё сделал правильно.

А вот отцу – хаоле не повезло. В один миг разъярённые туземцы окружили его. Священник только успел крикнуть по-английски из навалившейся на него груды тел:

– Что вы хотите со мной сделать? Вы пожалеете... – и тут же захрипел. Он издал такой страшный стон, что у меня по коже побежали мурашки. Потом я услышал жуткое бульканье, хруст костей и чавкающий звук разделяемой плоти, как будто от большого куска мяса отделили кусочек поменьше.

– Оао! – закричал Сифа и высоко поднял за волосы над собой отрезанную голову миссионера. Остальные воины издали радостный крик. Закричал в восторге даже стоявший рядом со мной мальчишка.

Я тут же с удивлением обратил внимание на то, что голова в руках Сифы продолжала жить. Глаза двигались, ища защиты, а губы шевелились. Глядя на не хотевшую умирать голову немолодого седого отца – хаоле, невольно замолчали все воины.

– Зря-я-я, – засвистела выходящим воздухом голова по-английски, – пожа-але-ете...

Глаза миссионера закрылись, но тут, неожиданно для всех нас, с отрезанной головой начали происходить непонятные изменения. Человеческие черты принялись растягиваться и таять, а сквозь них проступило нечто хищное, неземное, покрытое серой кожей. Мы не успели и слова сказать, а Сифа уже держал в руке не человеческую голову, а голову неизвестного мне существа. Огромные выпученные, в пол-лица глаза неподвижно смотрели на всю нашу компанию, а почти невидимый на серой морщинистой коже тонкий рот скривился в презрительной усмешке.

С криком отбросил Сифа подальше от себя голову мнимого священника. Однако и тело, которое лежало у ног полинезийцев, в свою очередь, претерпело изменения. Лишённое головы туловище несколько раз конвульсивно изогнулось, вверх взметнулась одна рука, потом вторая, но они уже ничем не напоминали конечности человека. Пальцы на руках увеличились и удлинились, а белую кожу на наших глазах в одно мгновение заменила тёмно – серая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.